

Кинические письма и диатрибы

- [Письма Анахарсиса](#)
- [Письма сократиков](#)
- [Письма киников. Диоген](#)
- [Письма киников. Кратет](#)
- [Письма киников. Менипп](#)
- [Кинизирующая эпистолография](#)
- [Кинические диатрибы](#)

Письма Анахарсиса

1. АНАХАРСИС — АФИНЯНАМ

Вы смеётесь над моим языком, который нечётко выговаривает звуки греческой речи. Анахарсис плохо говорит[201] по-гречески, афиняне — по-скифски. Когда идёт речь о ценности людей, не в языке дело, а в их взглядах, которыми отличаются и грек от грека.

5 Спартанцы не говорят чисто по-аттически, но благодаря своим подвигам повсюду прославились и вызывают всеобщее восхищение. Скифы не порицают речей, в которых говорится о необходимом, но не одобряют пустых речей. Даже вы делаете много полезного, не обращая внимания на чёткость артикуляции. Вы ввозите к себе врачей из Египта, кормчих — из Финикии, делаете покупки на рынке, не давая за них больше того, что они стоят, лишь потому только, что продавцы хорошо болтают по-гречески.

10 Вы покупаете, не задумываясь, у варваров, лишь бы они продавали по справедливой цене. Когда персидские цари и их вельможи в своей гордыне желают говорить с греческими посланцами только по-гречески, но говорят на ломаном языке, вы тем не менее не порицаете ни их желания, ни их дела. Слова не становятся дурными, когда за ними кроются добрые помыслы и следуют добрые дела.

15 Скифы считают речь плохой только тогда, когда она вызывает дурные мысли. Много пройдёт мимо вас, если вы будете придираться к чужой речи, не желая понять сказанного. Так вы многих заставите помедлить с привозом необходимых для вас товаров. Почему вы так высоко цените варварские ткани, а язык варваров презираете?

20 Вы требуете, чтобы игра флейтистов и голоса певцов гармонично сливались, но браните поэтов, если свои стихи они не наполняют эллинскими звуками. Обращайте внимание на смысл слов: только так вы извлечёте пользу. Если вы хотите прислушаться к совету варвара, то пусть жёны и дети слушают вас, даже когда вы говорите с ошибками. Лучше слушаться людей, говорящих на плохом языке, но благоразумных, чем следовать за теми, кто прекрасно говорит по-аттически, но приносит большой вред.

25 Иначе, афиняне, поступают люди невежественные и грубые, ибо ни один здравомыслящий не станет придерживаться другого взгляда.

2. АНАХАРСИС — СОЛОНУ

Эллины — мудрый народ, но ни в каком отношении не мудрее варваров, у которых боги не отняли способности познавать прекрасное. Можно даже испытать и узнать, правильно ли мыслим, соответствуют ли у нас дела словам и берём ли мы пример с тех, кто правильно живёт.

5 Пусть ни памятники, ни украшения тела не препятствуют правильному решению. Ведь, следуя обычаям отцов, все по-разному украшают себя. Признаки глупости, как и признаки разума, у варваров и греков одни и те же. Только потому, что Анахарсис пришёл к тебе и хотел стать твоим гостем, ты отказал ему и ответил, что должен в своей стране искать себе друга.

10 Если кто-нибудь захотел подарить тебе спартанскую собаку, ты не стал бы просить его отвезти её сначала в Спарту, чтобы там отдать её тебе. Когда же мы подружимся, если каждый станет так говорить? Всё это кажется мне неправильным, Солон, мудрец афинский. Я чувствую настойчивую потребность вновь постучаться в твою дверь, но не затем, чтобы просить того же, что и раньше, а чтобы узнать, как всё это согласуется с твоими речами о гостеприимстве.

3, АНАХАРСИС — ТИРАНУ ГИППАРХУ[202]

Большое количество несмешанного вина мешает [человеку] выполнять свой долг, ибо оно повреждает душу, в которой заключена способность людей к здравомыслию. Тому, кто стремится к великим делам, нелегко с успехом выполнить свои замыслы, если он не будет вести разумную и полную забот жизнь. Поэтому оставь игральные кости и пьянство, обратись к делам, благодаря которым ты будешь у власти, — делай добро друзьям и просителям, как это делал твой отец. В противном случае твои пороки поставят под удар самое твою жизнь. Тогда твои друзья вспомнят о скифе Анахарсисе.

4. АНАХАРСИС — МЕДОКУ[203]

Зависть и страсть — верные признаки дурной души. Зависть заставляет горько переживать, когда друзья и сограждане благоденствуют, а страсть вызывает надежду, основанную только на пустых словах. Скифы не любят подобных людей, и радуются, когда другим хорошо, и стремятся только к тому, что кажется им разумным. Ненависть, злобу и любую страсть, вызывающую недовольство, они всегда решительно отвергают как вредящие душе.

5. АНАХАРСИС — ГАННОНУ[204]

Одеждой мне служит скифская хлена, обувью — подошва собственных ног, постелью — вся земля, моя лучшая еда — молоко, сыр, мясо. Все лакомства — голод. Я свободен от всего того, из-за чего большинство людей постоянно в трудах. Поэтому приходи ко мне, если я тебе нужен. В ответ на подарки, на которые вы так щедры, я посылаю тебе свои. Ты же можешь передать их карфагенянам или посвятить богам ради собственного благополучия.

6. АНАХАРСИС — ЦАРСКОМУ СЫНУ

У тебя флейты и полный кошелёк, у меня стрелы да лук. Поэтому ты раб, а я свободный. У тебя много врагов, а у меня их нет вовсе. Если же ты захочешь выбросить деньги, взяться за лук и колчан и жить вместе со скифами, то и у тебя появятся все наши блага.

7. АНАХАРСИС — ТЕРЕЮ, ЖЕСТОКОМУ ПРАВИТЕЛЮ ФРАКИИ[205]

Ни один разумный правитель не убивает своих подданных, как и хороший пастух, который никогда не издевается над овцами. Твоя же страна вся обезлюдела и плохо управляется твоими наместниками. Каждый дом доведён до такого бедственного состояния, что не может быть полезен твоим планам.

5 Было бы лучше, если бы ты щадил тех, кем правишь. Если ты не будешь пользоваться своей властью только для личного обогащения, то твоё царство ещё продержится. Теперь тебе не хватает людей для ведения войны, но ты продолжаешь швырять деньги, необходимые для содержания твоих солдат и тех, кто поставлен охранять только одну жизнь [— твою]. Если ты не будешь их досыта кормить, они взбунтуются, уйдут в пустынные, покрытые лесом горы, поселятся там и станут трудиться, как пчёлы.

8. АНАХАРСИС — ФРАЗИЛОХУ[206]

Собака обладает одним прекрасным душевным качеством — она помнит добро. Она охраняет дом своих благодетелей до самой смерти. Ты же лишен добродетелей собаки, ум которой можно сравнить с человеческим. Я спрашиваю себя, к кому ты можешь быть справедлив в таком состоянии духа, когда даже своих благодетелей встречаешь враждебно, как лев. Попытайся сохранить то расположение, которое я к тебе питал, ибо такой человек может ещё внушать добрые надежды.

9. АНАХАРСИС — КРЕЗУ[207]

В своих творениях греческие поэты делят мир между сыновьями братьями Крона: одному они приписали власть над небом, другому — над морем, третьему — над подземным мраком[208]. Такое разделение говорит об эллинском своекорыстии.

5 Не признавая никакого совместного пользования имуществом, свой порок приписали они богам. Правда, землю они в виде исключения предоставили в общее пользование. Поэты хотели, чтобы все люди чтили богов и считали их подателями благ и отвратителями зла. Земля — общее достояние богов, и в давние времена она была такой и для людей, которые со временем преступили закон и посвятили общее для всех достояние отдельным богам, выделив каждому из них особый удел.

10 Взамен боги дали людям соответствующие дары — раздоры, наслаждение и малодушие, низменный образ мыслей. Их смешение и разделение породили всё зло и все беды для человечества: пахоту и сев, работу в недрах земли и войны.

15 Посеяв много, пожинают мало. Занимаются разными ремёслами, а на жизнь себе не зарабатывают[209]. Они с усердием добывают пёстрые сокровища земли, вызывая лишь одно удивление. Первого, кто изобрёл это жалкое искусство, считают трижды блаженным, но не знают, что при этом, как дети, себя обманывают; сначала не ставя ни во что то, что

давалось с трудом, потом они приходят в восторг от самого труда.

20 Как я слышал от многих людей, это горе постигло и тебя, а от него и все остальные беды. Ведь ни большое богатство, ни огромные владения не помогают приобрести мудрость. Правильно говорят, что тела людей, сильно перегруженные разным ненужным балластом, страдают от различных болезней. Поэтому тем, кто хочет быть здоров, советуют побыстрее избавиться от всего лишнего. Но если для тел, страдающих от неумеренных наслаждений, у вас есть врачи, то целителей душ у вас нет.

25 Было бы мудро избавиться от удовольствий. Когда к тебе текут реки золота и приходит слава богача, то вслед за ними являются зависть и желание отнять у тебя это золото. Если бы ты очистился от этой скверны, то был бы здоров и мог говорить и править свободно. Это и есть здоровье царя. Если бы эти качества стали твоим внутренним свойством, то никто не удивился бы, что и всё остальное в тебе прекрасно.

30 Но, захватив тебя не знающим меры, болезнь из свободного превратила тебя в раба. Но не падай духом и бери в пример вспыхнувший в лесу огонь, который превращает в пепел всё охваченное им, но питается тем, что ещё не успело сгореть. Так и твои прежние пороки перешли на тех, в чьей власти находишься ты сейчас вместе со своими владениями[210]. Будь уверен, что потом и на них перейдут твои муки. Теперь послушай небольшую историю, свидетелем которой я сам был.

35 Большая река протекает по скифской земле. Её называют Истром. Однажды, плывя по ней, купцы посадили свой корабль на мель. Не в состоянии ничего предпринять, с жалобами и плачем они оставили его. Ничего не ведая о причине несчастья, пираты подошли на ненагруженном судне к потерпевшему кораблю и перетащили весь его груз без остатка на свой корабль.

40 Но вместе с грузом незаметно для себя они перенесли и несчастье. Купеческий корабль, лишившись груза, стал легким и всплыл, а пиратский, приняв чужой груз, быстро пошёл ко дну вместе с награбленным чужим добром. Такое всегда может приключиться с богачами. Скифы же свободны от подобных бед. Вся земля у нас принадлежит всем.

45 Всё, что она приносит сама по себе, мы принимаем, а к тому, что скрывает, мы не стремимся. Оберегая наш скот от диких зверей, взамен мы получаем молоко и сыр. Оружием мы пользуемся не для того, чтобы нападать на других, но в случае необходимости для обороны. Правда, такого ещё не случалось. Для тех, кто хотел бы на нас напасть, мы и воины, и награда, но эта награда не многих привлекает.

50 Я советую тебе то же самое, что и афинянин Солон, — иметь в виду только конец. Важно не то, что тебе в данный момент удалось, а то, что принесёт тебе славную кончину. Правда, он не сказал этого открыто, так как не был скифом. Ты же, если согласен со мной, передай мой совет Киру и всем тиранам, ибо он принесёт больше пользы тем, кто ещё стоит у власти, чем тем, кто её уже утратил.

10[211]. АНАХАРСИС — КРЕЗУ

Царь Лидии! Я направился в страну эллинов, чтобы изучить их нравы и образ жизни. В золоте я не нуждаюсь, для меня важнее вернуться в Скифию более совершенным человеком. Теперь я прибыл в Сарды, считая крайне необходимым добиться твоего расположения.

Письма сократиков

8. АНТИСФЕН — АРИСТИППУ

Не к лицу истинному философу жить у тиранов и принимать участие в пресловутых сицилийских пирах[212]. Он должен оставаться на родине и довольствоваться тем, что имеет. Ты же полагаешь, что разумный человек должен уметь сколотить состояние и приобрести друзей среди самых влиятельных лиц. Но богатство не относится к числу необходимых вещей, а если бы оно и было необходимым, то, добытое таким путём, оно отнюдь не является благом. Что же касается друзей, то этот сброд невежд и тиранов никогда не может стать друзьями. Поэтому я посоветовал бы тебе покинуть Сиракузы и Сицилию.

Если же ты, как утверждают люди, пристрастился к наслаждениям и привязан к тому, что философам не приличествует, тогда отправляйся-ка в Антикиру[213] — там тебе поможет отвар из чемерицы. Он гораздо полезнее вина, которым тебя поит Дионисий. Вино ведёт к безумию, а чемерица излечивает его. Насколько здоровье и благоразумие отличаются от болезни и глупости, настолько и ты станешь лучше по сравнению с тем, каков ты сейчас. Будь здоров.

12. СИМОН — АРИСТИППУ[214]

Я слышал, что потешаешься над нашей философией в обществе Дионисия. Не отрицаю — я сапожник. Таково моё ремесло, но, если нужно, охотно соглашусь нарезать ремни для вразумления глупцов, которые к тому же ещё полагают, что живут в роскоши согласно учению Сократа. Антисфен вас ещё накажет за все ваши дурацкие шутки, ведь в своих письмах к нему ты высмеиваешь мои занятия. Но, божественный разум, хватит мне смеяться над тобой. Помни всегда о голоде и жажде, ибо они много значат для тех, кто стремится к мудрости.

Письма киников. Диоген

1. ЖИТЕЛЯМ СИНОПЫ

Вы приговорили меня к изгнанию, а я вас — оставаться дома[215]. Вы будете жить в Синопе, а я — в Афинах, вы — вместе с торгашами, а я — с освободителями Эллады от персов, вы будете иметь дело с гениогами и ахейцами[216], ненавистным для всех греков родом людей, а я — с дельфийцами и элейцами, с которыми и боги общаются.

О, если бы это решение вы приняли не только теперь, а ещё раньше, при жизни моего отца Гикета. Сейчас же я опасаюсь только одного, — чтобы из-за моей родины не перестали верить в мою скромность. Ваш приговор о моём изгнании говорит только в мою пользу: он, как я думаю, заставит в меня поверить больше, чем что-либо другое. Насколько лучше услышать от вас брань, чем похвалу! Я боюсь, что дурная слава моей родины повредит мне, об остальном я не забочусь. Лучше жить, где придётся, чем с людьми, которые со мной так поступили.

2. АНТИСФЕНУ

Я шёл из Пирея в город, когда навстречу мне попались какие-то спесивые сопляки, возвращавшиеся с пирушки. Когда я оказался рядом с ними, кто-то сказал: «Пошли прочь от этой собаки!» Услышав эти слова, я заметил: «Не робейте! Эта собака не жрёт свёклы»[217]. После моих слов они перестали бесноваться, сорвали и выбросили венки, которые носили на голове и шее, оправили на себе плащи и уже молча сопровождали меня до самого города, прислушиваясь к речам, которые я вёл сам с собой.

3. ГИППАРХИИ

Я восхищён, женщина, твоей страстью к философии и тем, что ты примкнула к нашей школе, суровость которой даже многих мужчин отпугнула. Постарайся же и конец сделать достойным начала. Я уверен, что так оно и будет, если не отстанешь от своего супруга Кратета и нам, учителям философии, будешь почаще писать. Ведь и письма могут принести много пользы — не меньше, чем личные беседы.

4. АНТИПАТРУ[218]

Не брани меня за то, что я не принял твоего приглашения и не поехал в Македонию и соль в Афинах предпочёл твоим пирам. Я это сделал вовсе не из высокомерия и не из стремления прославиться, которыми руководились бы другие, желая таким образом продемонстрировать величие своего духа, раз уж они могут противоречить царям. Нет, дело в том, что соль в Афинах мне дороже пиров в Македонии. Я отказался из желания сохранить своё имущество, а вовсе не из гордыни. Извини уж меня. Был бы я бараном, ты бы меня

простил, если бы я тебе не повиновался: у царя и баранов разная пища. Поэтому, милый ты мой, позволь каждому жить, как он хочет. Вот это действительно по-царски.

5. ПЕРДИККЕ[219]

Если ты уж начал вести войну с человеческими заблуждениями, которые, как я думаю, очень серьёзные враги и приносят тебе больше вреда, чем фракийцы и пэоны[220], то, собираясь подчинить себе, человеческие страсти, посылай за мной. Я-то умею с ними воевать как рядовой и как полководец. Если же тебя ещё соблазняют суетные заботы, а об этой войне ты и не думаешь, тогда оставь меня сидеть в Афинах и приглашай лучше воинов Александра, с помощью которых он покорил иллирийцев и скифов.

6. КРАТЕТУ

Когда ты направился в Фивы, я покинул Пирей. Было около полудня, и меня стала томить страшная жажда. Тогда я поспешил к Панопову источнику. Пока я доставал из котомки кружку, подбежал какой-то батрак из работавших неподалеку в поле, сложил ладони ковшиком и стал черпать и пить из источника воду пригоршнями. Мне показалось это разумнее, чем пить воду из кружки, и я без опасений воспользовался примером этого прекрасного наставника[221].

2 Итак, я выбросил свою кружку и, отыскав людей, отправлявшихся в Фивы, послал тебе письмо об этой мудрой выдумке, желая поделиться с тобой всем, что служит добру. Вот и ты всегда ходи на рынок, где проводят время множество людей, и у нас появится возможность узнать от других ещё много полезного. Как могущественна природа, которой мы, служа спасению людей, снова возвращаем её значение, хотя люди, исходя из своих ложных убеждений, выбрасывают её вон из жизни.

7. ГИКЕТУ[222]

Но огорчайся, отец, из-за того, что меня называют собакой и я ношу на плечах сдвоенный плащ и котомку, а в руках держу посох. Не стоит из-за этого расстраиваться, нужно скорее радоваться, что твой сын довольствуется малым и свободен от заблуждений, которым служат все — как эллины, так и варвары. Ведь имя, за исключением того случая, когда оно срослось с самими вещами, является своего рода символом чего-то общеизвестного. Меня называют небесной собакой[223], а не земной, потому что, живя не по ложным мнениям людей, а согласно природе, я похож на неё. Помимо того, я взваливаю груз добродетели на свои плечи, а не на плечи другого.

2 А такую одежду, как я, носил, по свидетельству Гомера, и Одиссей, мудрейший из эллинов, когда по велению Афины возвращался домой из-под Илиона. Эта одежда так прекрасна, что нужно признать: она изобретена не людьми, а богами:

Плечи оделись тряпицей — в лохмотье разорванным, старым Рубищем грязным, совсем почерневшим от смрадного дыма, Сверх же одежды оленья широкая кожа повисла, Голая, вовсе без шерсти; дав посох ему и котомку, Всю в заплатках, висящую вместо ремня на

верёвке...[224] Поэтому будь спокоен, отец. И имя, которым называют меня, и одежда, которую я ношу, — всё от богов, а платье — даже изобретение богини.

8. ЕВГНЕСИЮ

Я пришел из Мегар в Коринф. Миновав агору, оказался у какой-то школы для мальчиков. Услышав, как они плохо декламируют стихи, спросил, кто их учитель. Они ответили: «Дионисий, тиран сиракузский». Тогда я решил, что они надо мной подшучивают и сказали неправду. Подойдя к скамье, я сел и стал ждать — говорили, что он пошёл на рынок. Спустя немного времени Дионисий возвратился. Я встал и обратился к нему: «Как плохо, Дионисий, что ты учишь».

2 А он, решив, что я сожалею об утраченной им власти и образе жизни, который он вёл, будучи тираном, сказал: «Ты прав, сострадая моей судьбе». Тогда я возмутился: «Это верно, что я сказал „плохо“, но опечален я вовсе не тем, что ты лишился власти тирана, а тем, что ты живёшь теперь свободно в Элладе и вышел невредимым из переделки в Сицилии, хотя следовало ответить жизнью за всё содеянное тобой зло, как на суше, так и на море»[225].

9. КРАТЕТУ

До меня дошёл слух, что всё своё имущество ты принёс в Народное собрание и передал родине и, стоя среди народа, возвестил: «Кратет, Кратета раб, Кратета отпускает на волю». Тогда все граждане выразили свою радость по поводу твоего дара и своё восхищение мной, воспитавшим такого человека, а также захотели пригласить меня к себе из Афин, но ты, зная моё мнение, воспротивился этому. Я хвалю твой ум и восхищаюсь твоим даром, ибо ты раньше, чем я ожидал, преодолел человеческие предубеждения. Возвращайся поскорей, тебе ещё предстоит упражняться во многом другом, а находиться слишком долго в обществе, где нет тебе подобных, небезопасно.

10. МЕТРОКЛУ

Проявляй мужество не только тогда, когда носишь одежду, имя и ведёшь жизнь киника, не бойся также просить у людей на пропитание. Это не позор. Ведь даже цари и властители просят у своих подданных денег, воинов, кораблей, продовольствие, а больные у врачей — лекарств не только против горячки, но и против озноба и чумы, а влюблённые выпрашивают у мальчиков поцелуи и ласки. Брать у людей нужно не без отдачи и взамен давать не что-нибудь худшее, а просить для всеобщего блага, притом лишь то, что соответствует природе. Следует поступать так, как сын Зевса Геракл, и взамен возвращать значительно больше.

2 Так тебе придётся воевать не с истиной, а с предубеждениями, а с ними ты повсюду ведёшь сражение, даже когда тебя к этому ничто не принуждает. Такая война — прекрасный обычай. Сократ говорил, что мудрецы не просят (aitein), а требуют лишь вернуть назад (apaitain), ибо им, как богам, принадлежит всё. Он доказывал это на основании следующего умозаключения: богам принадлежит всё, а у друзей всё общее, мудрец же — друг богов. Следовательно, ты будешь просить своё[226].

11. КРАТЕТУ

Подходи и проси хлеба даже у статуй на агоре. Это прекрасное, клянусь, испытание, так как ты встретишь на своём пути людей ещё более бесчувственных, чем статуи. И если евнухам и кинедам дают охотнее, чем тебе, не удивляйся: каждый чувствует симпатию к тому, кто ему ближе по духу, а не к тому, кто от него далёк. Большинство предпочитает иметь дело с евнухами, а не с философами[227].

12. КРАТЕТУ

Большинство, проведав о кратком пути, ведущем к счастью, стремится к нему, как мы к философии. Когда же, встав на этот путь, они сталкиваются с трудностями, то, сойдя с него из-за своего безволия и немощи, бранят потом не свою слабость, а нашу твёрдость. Поэтому пусть они, как хотят, почивают вместе со своими наслаждениями. Тогда их встретят не те естественные трудности, из-за которых они нас бранят, а гораздо более мучительные, которые заставят их при любых обстоятельствах влачить жалкое рабство. Ты же продолжай упражняться, как начал, и старайся противостоять и наслаждениям, и тяготам жизни, ибо они в равной степени враждебны и больше всего мешают нам, ибо наслаждения толкают нас к постыдным делам, а тяготы отпугивают от прекрасных деяний.

13. АПОЛЕКСИДУ

Много из того, что отягощало мою котомку, я выбросил, узнав, что ладонь вполне может служить тарелкой для хлеба, а чашей — сложенные в горсть руки. Даже учителю не стыдно сказать: «До сих пор я был ещё ребёнком. Полезные вещи нужно усваивать в любом возрасте и не пренебрегать ими».

14. АНТИПАТРУ

Ты осуждаешь мою жизнь за то, что она полна трудов и лишений и никого не привлекает. Я избрал её добровольно, чтобы все подражающие мне знали, что совсем не должны быть избалованными.

15. АНТИПАТРУ

Я узнал, что, по твоим словам, нет ничего удивительного в том, что я ношу сдвоенный плащ и котомку. Я и сам говорю, что в этом нет ничего особенного. То и другое прекрасно, если идёт от души, потому что не только тело должно жить в простоте, но и душа. Не следует также обещать многого и не делать даже необходимого. Дела должны отвечать словам. Так я стараюсь поступать и получать подтверждение этому. Может быть, ты предполагаешь, что я имею в виду народ Афин и Коринфа, этих лжесвидетелей? Нет, я подразумеваю свою собственную душу, от которой не скроешь своих прегрешений.

16. АПОЛЕКСИДУ

Я попросил найти мне пристанище. Спасибо тебе за хлопоты, но, увидев улитку, я нашёл прекрасное, защищённое от ветра жилище — пифос в Метрооне[228]. Поэтому оставь без последствий мою просьбу и поздравь меня с находкой естественного убежища.

17. АНТАЛКИДУ

Я узнал, что ты пишешь для меня о добродетели и обещаешь знакомым с помощью этого сочинения убедить меня думать о тебе лучше. Я не хвалю даже дочь Тиндарея, бросившую в вино утоляющее страдания снадобье[229] (его можно было бы предложить и без вина), а тебя тем более — даже в моём присутствии ты не проявил ничего, достойного похвалы, а в письменной форме ты полагаешь меня убедить, что, пожалуй, стоит сохранять память о мёртвых, а обнаруживать добродетель отсутствующих живых не стоит. Я написал тебе об этом, чтобы ты обратился ко мне не посредством бездушного сочинения, а явился сам.

18. АПОЛЕКСИДУ

Юноши из Мегар попросили меня рекомендовать тебе философа Менодора — очень смешная рекомендация. То, что он человек, можно узнать по портретам, а философ ли он — по его жизни и высказываниям. По моему мнению, мудрец не нуждается в рекомендациях, он сам себе лучшая рекомендация.

19. АНАКСИЛАЮ

Пифагор говорил, что был однажды Эвфорбом, сыном Панфа, а я недавно узнал в себе Агамемнона. Мой посох — скипетр, сдвоенный плащ — царская мантия, а котомка, если только сделать ее кожаной, — щит. Правда, у меня нет длинных волос на голове, но тут ничего не поделаешь. Когда Агамемнон был молод [его голову покрывали кудри], состарившись, он облысел. Примерно так нужно рассуждать и говорить тому, кто любит ссылаться [на авторитет]: «Сам сказал!»

20. МЕЛЕСИППУ

Я узнал, что ты очень огорчился из-за того, что подвыпившие афинские юнцы избили меня и мудрости было нанесено пьянчужками оскорбление. Знай же, что от ударов пьяниц пострадало лишь тело Диогена, а добродетель не была опозорена, ибо порочные люди не могут ни украсить её, ни осквернить. Не Диоген был опозорен, пострадал афинский народ, в среде которого нашлись желающие поиздеваться над добродетелью. Так, по милости одного неразумного гибнут целые народы, когда замышляют недостойные дела и ведут войну там, где нужно сохранять мир. Если бы они задушили безумие в самом зародыше, то до такого бы не дошли.

21. АМИНАНДРУ

Родители не заслуживают благодарности ни за то, что они нас породили, ибо всё сущее произошло от природы, ни за то, какими мы родились, так как причина этого заключается в смешении элементов. Не стоит благодарить родителей и за то, что люди появляются на свет

по их выбору или намерению. Ведь роды — следствие половых сношений, в которые вступают ради удовольствия, а не с целью рождения детей. Я, провозвестник невозмутимости духа, поднимаю свой голос против жизненных заблуждений. Кому-нибудь эти речи могут показаться слишком грубыми, но сама природа и истина их подтверждают, как и жизнь людей, живущих не в чаду заблуждений, а в согласии с добродетелью.

22. АГЕСИЛАЮ

Жизнь моя столь непрочна, что я не знаю, останусь ли в живых, пока пишу тебе это письмо. В котомке достаточно пищи для жизни, хотя для тех, кого считают богами, требуется больше, чем для людей. Только одно я знаю твёрдо: после рождения наступает смерть. Сознавая это, я и сам гоню от себя летающие вокруг этого жалкого тела пустые надежды, и тебе советую не мечтать о большем, чем положено человеку.

23. ЛАКИДУ

Ты сообщаяешь мне радостную весть, что македонский царь очень хочет взглянуть на меня. Ты правильно сделал, рассказав обо мне македонскому царю. Ты ведь знаешь, что я неподвластен никаким царям. А посмотреть, сколь у меня необычный вид, пусть никому не приходит в голову. Если же Александр стремится перенять мой образ жизни и слушать мои беседы, то скажи ему, что из Афин в Македонию такой же путь, как из Македонии в Афины.

24. АЛЕКСАНДРУ

Если хочешь стать во всех отношениях совершенным человеком, сорви с головы своей тряпку и приезжай ко мне. Но поступить так ты не в силах: тебя держат ляжки Гефестиона[230].

25. ГИППОНУ

Ты просишь написать тебе о том, что я думаю о смерти и погребении, будто бы ты не станешь настоящим философом, если не узнаешь от меня, что ожидает нас после смерти. Я считаю достаточным жить в соответствии с добродетелью и природой, что зависит от нас самих. Как то, что было до нашего рождения, зависит от природы, так и то, что будет после смерти, находится в её власти. Как она породила, так она и умертвит. Однако не опасайся, что когда-нибудь ощущения покинут меня. Я решил: пусть рядом со мной после моей смерти положат палку, чтобы я смог отгонять всех животных, желающих осквернить мою могилу.

26. ГИППОНУ

Помни, что я преподавал тебе начала бедности в жизни. Старайся сам её не утратить и не дай другому отнять её у тебя. Ведь ясно, что фиванцы будут вновь приставать к тебе, считая несчастным. Но ты сам считай свой потёртый плащ львиной шкурой, а палку — жезлом, котомку — землёй и морем, кормящими тебя. Тогда в тебя вселится мужество Геракла, которое сильнее всякой судьбы. Если у тебя есть лишние бобы и сушёные фиги, пришли мне.

27. АННИКЕРИДУ

Лакедемоняне приняли решение не пускать меня в Спарту. Но ты ни о чём не беспокойся, раз уж носишь имя киника. Конечно, достойно сожаления, что люди, полагающие, что они упражняются, не понимают, что только я могу их направить. Не знаю, вёл ли кто-нибудь более простую жизнь, чем я. Кто может похвалиться в присутствии Диогена, что он превзошёл его в перенесении бедствий? А с этим связано и другое: решив, что благодаря их отваге Спарта находится в безопасности, они оставляют душу незащищенной от страстей и не выставляют против них никакой охраны. Внушая страх соседям, они подвергаются нападению со стороны внутренних болезней. Они изгнали добродетель, благодаря которой они могли быть сильными духом и свободными от своих недугов.

28. [ЭЛЛИНАМ]

Диоген-собака так называемым эллинам желает гибели[231].

Впрочем, вы и так гиблый народ, если даже и не буду желать вам гибели. Ведь вы только по образу своему люди, а души у вас обезьяньи — ничего не зная, вы делаете вид, будто всё знаете. Потому-то и наказывает вас природа. Придумав для самих себя законы, вы обрели только величайшую спесь и получили свидетельство о внедрившейся в вас порочности. Вы состарились, проведя всю свою жизнь в войнах и никогда не вкушая мира, порочные сообщники порока. Вы завидуете друг другу, едва заметив у другого чуть подороже платье, чуть побольше денег, приметив, что другой чуть ловчее в речах и немного пообразованнее.

2 Вы ничего не в состоянии правильно оценить, скатываясь только к приблизительному правдоподобию. Вы всех обвиняете, но ничего не знаете, ни вы сами, ни ваши родители, и по заслугам мучаетесь, осмеянные невежеством и безумием. Вас ненавидит не только киник-собака, но и сама природа. У вас мало радостей и много горестей как до брака, так и после него, ибо женившись, вы окончательно гибнете и вечно брюзжите. Сколько и каких мужей вы уничтожили, одних победив на войне, других осудив во время так называемого мира!

3 Разве мало у вас распятых на крестах и замученных палачом? Разве не по вашему приговору выпивают яд и погибают на колесе только потому, что показались вам виновными? О, безумные головы, что выгоднее — учить или убить? Ведь от мертвецов нет никакой пользы, если только мы не собираемся поедать трупы как жертвенное мясо, а в честных людях всегда есть нужда, дурные вы головы! Неграмотных и непросвещённых вы обучаете так называемым изящным искусствам, чтобы у вас, когда понадобятся, под руками были образованные люди. Почему же вы не перевоспитываете дурных, чтобы потом воспользоваться ими, когда появится нужда в честных людях, так же как вы нуждаетесь в головорезах, захватывая чужой город или лагерь?

4 Это ещё не самое большое зло. Если вы добро делаете насильно, то чего можно ожидать, когда совершается грабёж?! С кем бы вы, безумные головы, ни соприкасались, всем вы причиняете несправедливость, хотя, может быть, сами они заслуживают ещё большего

наказания. В гимнасиях, когда наступают так называемые Гермеи[232], или Панафинейские празднества, в центре города вы обжираетесь и опиваетесь, пьянствуете, развратничаете, играя роль женщин. Вы ещё больше кощунствуете, совершая всё это как тайно, так и явно. Киник ничего этого не ведает, а для вас в этом смысл жизни.

5 Если вы киникам мешаете вести естественную и справедливую жизнь, как же вам по отношению к самим себе не допускать ошибок? Там, где я, киник, вас обличаю словами, там природа всех вас наказывает делом, ибо всем вам одинаково угрожает смерть, которой вы так боитесь. Я часто видел бедняков, нуждающихся, но здоровых, и богачей, страдающих от ненасытности своего несчастного брюха и члена. Короткое время вы испытываете приятные ощущения от доставляемых ими удовольствий, но потом они приносят вам многочисленные и тяжкие страдания.

6 И ничто не спасёт вас — ни дом, ни красивые капители колонн, стоящих в нём. Лёжа в своих золотых и серебряных кроватях, вы подделом мучаетесь и не можете выздороветь, пожирая вместе с лекарствами остатки своего добра, порочные сообщники порока. Если бы у вас был разум в такой же мере, в какой его у вас нет, вы все, достигшие зрелого возраста, собрались бы на общий совет и научились благоразумию или покончили с собой. В жизни нельзя поступить иначе, если вы не хотите, чтобы с вами было так, как на пиру, когда вы напьётесь и пьяны сверх меры: голова кружится, и в желудке боль, и вас ведут другие, а сами себе вы не в силах помочь.

7 Пока вы утопаете в роскоши и подсчитываете, как велики ваши богатства, приходят ваши общие палачи, которых вы почему-то называете врачами, и говорят, и делают всё, что им взбредет на ... желудок. Они вас режут, жгут, сковывают по рукам и ногам и пичкают лекарствами, как внутренними, так и наружными. И если вы всё-таки выздоравливаете, то благодарите не так называемых врачей, а восклицаете, что нужно возблагодарить богов. Если же вам плохо, то обвиняете врачей. А я могу скорее радоваться, чем горевать, и больше знать, чем не знать.

8 Этого я достиг, общаясь с мудрым Антисфеном, который вёл беседы только со знакомыми, а от тех, кто был незнаком с природой, разумом и истиной, он держался подале, совсем не обращая внимания на неразумных животных, не понимающих, как сказано в письме, речей киника-собаки. Вы варвары, и я желаю вам гибели, до тех пор пока вы, научившись говорить по-гречески, станете истинными эллинами. А теперь так называемые варвары для меня гораздо привлекательнее и местом, где они живут, и нравами; так называемые эллины ведут войну против варваров, а варвары считают своим долгом защищать родную землю, довольствуясь лишь тем, что имеют. Вам же всего мало. Вы все жаждете славы, неразумны и плохо воспитаны.

29. ДИОНИСИЮ

Так как ты решил подумать о самом себе, то я пошлю тебе человека, ничем не похожего, клянусь Зевсом, на Аристиппа или Платона, а одного из имеющих у меня в Афинах педагогов — с поразительно острым зрением, очень быстро шагающею, с больно секущей плетью. Он, клянусь Зевсом, научит тебя отдыхать вовремя и вставать поутру, освободит от

владеющих тобой страхов и ужасов, от которых ты надеешься скорее избавиться при помощи телохранителей и крепких стен своего акрополя, но именно по их вине эти страхи всегда с тобой. Чем больше и чаще ты ими занимаешься, тем больше и чаще твою душу охватывают беспокойство и робость.

2 Итак, он освободит тебя от них, вселит отвагу, избавит от малодушия. Что пользы от несвободного человека? А это и есть рабство — жить в страхе. До тех пор пока у тебя такое окружение, ты не избавишься ни от одного из этих зол. Когда ты получишь, наконец, того работягу, который очистит твои бока, и удержит от поварских излишеств, и заставит тебя вести образ жизни, принятый им самим, тогда ты, несчастный, будешь спасён.

3 А теперь ты отыскал себе таких приятелей, которые, пожалуй, скорее тебя погубят и развратят, ибо они даже не пытаются научить тебя добру, а только смотрят, как бы пожрать на твой счёт и чем-нибудь поживиться. Они освобождают тебя не от твоих пороков, а от твоих добродетелей. Ты же так глуп, что даже не слышишь того, что говорят повсюду в самом центре Эллады:

Знай же, что только от добрых можешь добру научиться,
Свяжешься лишь с подлецом, сгубишь последний свой ум[233].

Для тебя, несчастный, нет ничего опаснее отцовского и тиранического нрава, и нет ничего иного, что бы тебя больше губило.

4 И нельзя найти человека, который отвратит тебя как от тирании, так и от так называемой священной болезни, ибо во всём поступаешь как безумный. Только покончив с ней, ты мог бы спастись. Ни твоё окружение, ни ты сам не замечаете своих недостатков. Так давно и так сильно тобой завладела болезнь. Ты нуждаешься в плети и в господние, а не в том, кто будет тобой восхищаться и льстить тебе. Как можно получить от такого человека хоть какую-нибудь помощь и как он сам может кому-нибудь принести пользу? Разве только он не станет наказывать тебя, как лошадь или быка, и вместе с тем будет наставлять на путь истинный и думать о должном.

5 А ты так далеко зашел в своей испорченности, что уже появилась необходимость в оперативном вмешательстве — резать, жечь, вводить лекарства. Ты же, словно ребенок, окружил себя дядьками и няньками, которые упрашивают тебя: «Ну, возьми, дитятко, ну, попей, ну, съешь ещё один маленький кусочек, если любишь меня». Если бы они все собрались и проклинали тебя, то не причинили бы большего вреда твоему здоровью. Впрочем, зачем я всё это говорю? Ведь ты всё равно не захочешь питаться фиговыми листьями, а, словно баран, потянешься к спелым плодам. Поэтому я не пожелаю тебе, милоч, на прощание ни «Радуйся!», ни «Будь здоров».

30. ГИКЕТУ

Отец, когда я прибыл в Афины, то услышал, что ученик Сократа рассуждает о сущности счастья, и решил пойти к нему. Он в то время говорил о дорогах к счастью. Таких дорог всего две, а не множество, утверждал он, причём одна из них короткая, другая — длинная.

Каждый может вступить, на какую хочет. В тот день, когда он рассказывал об этом, я слушал и молчал, а на следующий день, когда мы снова пришли к нему, я попросил рассказать о тех дорогах подробнее. Тогда он тотчас поднялся со скамьи и повёл нас в город, прямо к акрополю.

2 И когда мы оказались почти рядом с ним, он показал на две дороги, ведущие на акрополь. Одна из них была короткой, но крутой и трудной, другая — ровной и легкой. При этом он заметил: «Эти дороги ведут на акрополь, а те, о которых я говорил, — к счастью. Пусть каждый выберет себе дорогу по вкусу, я буду проводником». Тогда большинство, испуганные трудностью и крутизной короткой дороги, совсем оробели и попросили повести их длинной, но лёгкой дорогой, а я, преодолев страх перед трудностями, выбрал короткий и трудный путь, ибо тот, кто стремится к счастью, должен идти к нему даже сквозь огонь и мечи.

3 После того как я выбрал этот путь, он отобрал у меня хитон и гиматий и надел на меня сдвоенный плащ, на плечи повесил котомку, положив туда хлеба, пирог, кружку и миску, а снаружи прикрепил к ней лекиф для масла и скребок; он дал мне и палку. Получив всё это снаряжение, я спросил, зачем он надел на меня сдвоенный плащ. «Чтобы приучить тебя и к летней жаре, и к зимней стуже», — ответил он. Тогда я снова спросил: «А простой плащ для этого не годится?»

4 — «Нет, — сказал он, — нисколько. Летом в нём хорошо, а зимой переносить непогоду выше человеческих сил». — «А для чего ты повесил на меня котомку?» — «Чтобы повсюду у тебя был свой дом», — последовал ответ. «Зачем положил в неё кружку и миску?» — «Для того, — ответил он, — чтобы ты пил и ел, мог воспользоваться любой пищей, когда нет кардамона»[234]. — «Для чего дал мне лекиф и скребок?» — «Один от усталости, другой от грязи». — «А посох зачем?» — «Для защиты», — ответил он. — «О какой защите ты говоришь?» — «О той, в которой нуждались и боги, — от поэтов».

31. ФЕНИЛУ

Я пришел в Олимпию после окончания игр. На следующий день на улице мне встретился панкратиаст Кикерм в победном олимпийском венке. Его сопровождала домой целая толпа друзей. Когда он поравнялся со мной, я взял его за руку и сказал: «Несчастный, брось дурью мучиться и уйми своё тщеславие, которое погнало тебя в Олимпию и возвращает таким, что даже собственные родители тебя не узнают. Скажи, — продолжал я, — какая гордыня заставила тебя надеть на голову венки, нести в руках пальмовую ветвь и тащить за собой весь этот сброд?»

2 — «Я всех панкратиастов победил в Олимпии», — ответил он. «Удивительные вещи ты говоришь! — воскликнул я. — Значит ты победил и самого Зевса, и его сына?» — «Нет, конечно», — ответил он. «Ты всех вызывал поодиночке и победил?» — «Нет», — сказал он. «Значит, одних ты вызывал, а с другими состязался по указанию жребия?» — «Именно так». — «Тогда как же ты смеешь утверждать, что победил и тех, кого одолели другие? Скажи, в Олимпийских состязаниях панкратиастов участвовали только взрослые?» — «Нет, и дети», — ответил он. «Выступая среди мужчин, ты и над ними одержал победу?» — «Нет, — сказал

он. — Они выступали по другой категории». — «Ну, а в своей группе ты над всеми одержал победу?» — «Разумеется». — «Скажи мне, — продолжал я свои вопросы, — не в твою ли категорию входили взрослые мужчины?» — «В мою». — «А Кикерм по какой категории выступал?» — «Если ты имеешь в виду меня, то по категории мужчин», — ответил он. «А Кикерма ты победил?» — «Увы, нет», — ответил он.

3 «Как же ты можешь утверждать, что всех одолел, когда не победил ни детей, ни всех взрослых? Кто были твоими соперниками?» — продолжал я. «Знаменитые мужи Эллады и Азии». — «Они были сильнее тебя, равны тебе по силе или слабее?» — «Сильнее». — «Значит, ты утверждаешь, что победил тех, кто сильнее тебя?» — «Нет, равных мне», — сказал он. «Но как же ты мог победить равных, если они ни в чем не оказались слабее тебя?» — «Слабейших», — сказал он. «И ты всё ещё будешь гордиться своими победами над более слабыми? Разве только ты способен на такие победы и никто другой? Разве вообще никто не одолевает силой более слабого, чем он?»

4 Поэтому, Кикерм, оставь всё это и не состязайся в панкратии с людьми, слабее которых ты станешь вскоре, когда состаришься. Обратись к истинно прекрасному и учись выносливости не под ударами людишек, а под ударами судьбы, поражающими душу. Пусть будут твоими наставниками не гиганты[235], не кулаки, а бедность, скромность, низкое общественное положение, изгнание. Научившись презирать всё это, ты будешь жить счастливо и умрёшь спокойно. Если же будешь стремиться к другому, не жди в жизни счастья». Когда я так с ним поговорил, Кикерм бросил наземь пальмовую ветвь, сорвал с головы венки и тут же уступил мне дорогу.

32. АРИСТИППУ

Я узнал, что ты злословишь меня и у своего тирана постоянно поносишь мою бедность, вспоминая, как застал меня однажды, когда я обмывал в источнике цикорий, приправу к хлебу. Я, милейший, дивлюсь, как можешь ты осуждать бедность честного человека, пройдя обучение у Сократа, который зимой и летом в любую погоду носил один и тот же старый плащ и даже при женщинах не надевал другого, а лакомые кусочки находил не в садах, или в харчевнях, а в гимназиях. Но, кажется, обо всём этом ты забыл в угаре сицилийских пиршеств.

2 Я не собираюсь тебе напоминать, чего стоит бедность, особенно в Афинах, и не стану защищать её перед тобой (я не считаю, что мое счастье зависит от тебя, подобно твоему, которое зависит от других; достаточно мне одному знать об этом), но напомню тебе всё-таки о Дионисии и блаженных часах, проведённых вместе с ним, которые доставляют тебе такую радость. Я буду напоминать тебе об этом всякий раз, когда ты ешь и пьёшь на пышных пирах то, что мне и не снится, и в то же время видишь, как избивают людей плетью, сажают на кол, гонят в каменоломни; у одних вырывают из объятий жён, у других — детей, отнимают рабов, чтобы надругаться над всеми. И эти бесчинства творит не один лишь тиран, но множество окружающих его подлецов.

3 А ты и пьёшь против воли, живёшь среди них и совершаешь прогулки, не в силах убежать от всего этого, скованный золотыми цепями. Обо всем этом я говорю тебе, вспомнив о твоих

оскорблениях. Я с моим умением обмывать цикорий и неумением прислуживаться при дворе у Дионисия живу счастливее вас, советчиков Дионисия и правителей всей Сицилии. Пусть всё, чем ты так нагло порочишь меня, заставит тебя задуматься, и пусть разум не вступает в противоречие с чувствами. На словах все прекрасно у Дионисия, но свобода, которой пользовались во времена Крона, и... [дальнейший текст испорчен].

33. ФАНОМАХУ

Я сидел в театре и склеивал книжные листы, когда подошел Александр, сын Филиппа, и, остановившись рядом со мной, загородил мне солнце. Не в состоянии разглядеть разрывы, я поднял глаза и тотчас узнал пришельца. Заметив мой взгляд, он сам заговорил со мной и подал руку. Тогда и я приветствовал его и так сказал: «Ты действительно непобедим, юноша, ибо обладаешь прямо-таки божественным могуществом. То, что делает, говорят, луна с солнцем, когда встаёт прямо напротив него, то же самое сделал и ты, придя сюда и встав рядом со мной».

2 — «Ты всё шутишь, Диоген», — сказал Александр. «Почему? — возразил я. — Разве ты не заметил, что я бросил свою работу, потому что мне ничего не видно, будто ночью? И хотя мне сейчас с тобой разговаривать нет никакой охоты, тем не менее я говорю с тобой». — «Нет никакой охоты поговорить с царём Александром?» — удивился он. «Совсем никакой, — ответил я. — Ведь он не покушается на моё добро и не идёт на меня войной, не грабит, как это делает с македонцами, лакедемонянами или с кем-нибудь другим, кто представляет для него интерес». — «А я интересуюсь твоей бедностью», — сказал он. «Какой бедностью?» — удивился я. «Твоей бедностью, из-за которой ты нищенствуешь, нуждаясь во всём», — сказал он.

3 «Не иметь денег не значит быть бедным, и попрошайничать — не порок, а хотеть всем обладать и насильничать, как это свойственно тебе, — вот это порок. Поэтому моей бедности помогают источники и земля, пещеры и шкуры; из-за них никто со мной не воюет ни на суше, ни на море. Знай, что я продолжаю жить так, как появился на свет. А для таких людей, как ты, нет спасения ни на земле, ни на море.

4 Но о них я уже не говорю, вы покушаетесь даже на небо и пренебрегаете советом Гомера, который, описав горькую судьбу Алоадов[236], учил не стремиться к этому».

Когда я ему всё это твёрдо и решительно высказал, Александра охватил стыд и, наклонившись к одному из спутников, он сказал: «Если бы я уже не был Александром, то стал бы Диогеном». Потом он помог мне подняться, повёл с собой и стал приглашать сопровождать его в походах. С трудом мне удалось избавиться от него[237].

34. ОЛИМПИАДЕ

Не огорчайся, Олимпиада, из-за того, что я ношу потёртый плащ и, завидев хлеб, прошу у людей. Это не позор и не должно вызывать подозрение у свободных, как думаешь ты, но прекрасно и вооружает против предрассудков, враждебных человеческой природе.

2 Эту истину я познал прежде всего не у Антисфена, но от богов и героев, а также от тех, кто обратил Элладу к мудрости, — от Гомера и трагиков, которые говорят, что Гера, супруга Зевса, приняв облик жрицы, стала вести такой образ жизни и «Нимфам, живущим в источниках, добрым и славным богиням, Инаха дочерям, бога аргосской реки, собирала» милостыню[238], а Телеф, сын Геракла, явился в Аргос в гораздо худшем виде, чем я: «в лохмотья тело завернув, как нищий, от мороза прячась»[239]. Одиссей же Лаэртид возвращался домой в разодранном, измазанном в навозе и чёрном от копоти плаще[240]. Неужели после всего этого мой вид и моё нищенство тебе всё ещё кажутся позорными? Разве они не прекрасны и не вызывают восхищения царей и не подобают каждому, кто благоразумен и стремится к простоте?

3 Телеф принял такой вид, чтобы вернуть себе здоровье; Одиссей, чтобы истребить женихов, так долго бесчинствовавших в его доме. А я, чтобы обрести счастье, являющееся лишь малой частицей блага, к которому стремился Телеф. Моя цель — повергнуть в прах ложные ценности, из-за которых мы терпим над собой так много господ, избежать болезней и базарных сикофантов, бродить по всей земле под открытым небом свободным человеком, не боясь никаких, даже самых могущественных властелинов. Итак, мать, если я могу успокоить тебя, рассказав, что даже те, кто выше меня, носили жалкие плащи и котомки и просили хлеба у тех, кто ниже их, я благодарен богам. Если же нет, все равно напрасны твои огорчения.

35. СОПОЛИДУ

Я пришел в Милет, что в Ионии, и, минуя агору, услышал плохо читавших стихи мальчиков. Подойдя к учителю, спросил: «Почему ты не учишь их играть на кифаре?» — «Я и сам не умею», — ответил учитель. — «Как же так получается, — сказал я. — Тому, что не знаешь, ты не учишь, а грамоте обучаешь, хотя сам ещё ей не научился?» Я прошёл ещё немного и оказался у гимнасия для юношей. Там, в атриии, я увидел юношу, который никак не мог справиться с мячом, и, подойдя к надсмотрщику палестры, спросил: «Какой штраф установлен для тех, кто умастился, но в мяч не играет?» — «Обол», — ответил надсмотрщик. «Вот тот юноша, — сказал я, указав на него, — хотя ему не угрожает никакое наказание, играет без всякой охоты».

2 Потом, сняв с себя плащ и взяв скребок, я вышел на середину и намазался маслом. Вскоре прямо ко мне по местному обычаю подошёл юноша с очень красивым лицом и ещё без бороды. Он протянул мне руку, пробуя, насколько я опытен в борьбе. А я, вроде бы застенчившись, стал притворяться, будто совсем ничего не умею. Но как только мне стало угрожать поражение, я схватился с ним по всем правилам искусства. Вдруг у меня совсем неожиданно «встал конь» (других слов я не рискую употребить, опасаясь оскорбить почтенное общество), мой партнёр смутился и убежал, а я, стоя, довел дело до конца, обойдясь своими средствами.

3 Это заметил надсмотрщик, подбежал и стал бранить меня. «Послушай, — обратился я к нему, — после того как ты разрешил мне бороться по всем правилам, теперь ты нападаешь на меня? Если бы существовал обычай после умащения нюхать чихательный порошок, ты бы возмущался, когда кто-нибудь из умастившихся чихнул в гимнасии? А теперь ты негодуешь,

когда у человека, обнявшегося при борьбе с красивым мальчиком, невольно поднялся член.

4 Не полагаешь ли ты, что наш нос целиком зависит от природы, а вот он всецело находится в нашей власти? Перестань бросаться на входящих! Если хочешь, чтобы ничего подобного не случилось в гимнасии, убирай отсюда мальчиков. Ты уверен, что твои инструкции в состоянии надеть колодки и оковы на то, что от природы рвётся в бой, когда сплетаются в борьбе мужчины с юношами?» Я всё это высказал надсмотрщику, и он удалился, а я, подняв свой плащ и котомку, направился к морю.

36. ТИМОМАХУ

Я пришёл в Кизик и, проходя по улице, увидел на двери одного дома надпись: «Геракл, Зевса сын, победоносец, здесь живёт. Пусть никогда беда в дом этот не войдёт»[241]. Я остановился, прочёл, потом спросил прохожего: «Кто здесь живёт и откуда он?» Решив, что я расспрашиваю с намерением попросить хлеба он ответил: «Негодный человечешко. Уходи лучше отсюда, Диоген». Тогда, обращаясь к самому себе, я заметил: «Кажется, хозяин из-за этой своей надписи захлопнул перед собой двери собственного дома». Иду я дальше и снова вижу другую дверь точно с такой же ямбической надписью.

2 «А здесь кто живёт?» — спросил я. «Грязный мытарь», — последовал ответ. «Только у подлецов на дверях такая надпись или у честных людей тоже?» — поинтересовался я. «Нет, у всех», — ответил прохожий. «Тогда почему, — спросил я, — если это вам приносит пользу, вы не напишите то же самое на городских воротах, а пишете лишь на домах, в которые Геракл не смог бы даже войти? Может быть, городу вы желаете зла, а отдельным домам нет? Или общественные беды вас не касаются, а только собственные?» — «Я ничего не могу на это тебе ответить, Диоген», — промолвил он. «А что вы, граждане Кизика, считаете бедой?» — «Болель, смерть, бедность и тому подобное», — ответил он.

3 «Значит, вы полагаете, что если всё это войдёт в ваш дом, оно повредит вам, а если не войдёт, не повредит?» — «Безусловно», — сказал он. «Хорошо, — продолжал я. — Если эти беды не касаются людей, они вредны?» — «Нет, если только затрагивают их», — ответил он. «Итак, когда они входят в дом, то затрагивают, а если застигают на агоре, то не затрагивают? Возможно, есть некто, кто запрещает трогать вас на агоре, а разрешает наступать только в домах?» — спросил я. «И на это я не могу тебе ничего ответить» — сказал он. А я продолжал спрашивать: «Скажи мне, всё это причиняет вам неприятности, когда проникает в дом или поражая вас самих?» — «Когда поражает нас самих», — ответил он.

4 «Тогда почему эти стихи вы пишете на дверях, а не на самих себе? И каким это образом Геракл, единственный на свете, может одновременно жить в таком количестве домов? Кажется, и это говорит о безумии, которым одержим ваш город», — заметил я. «Тогда скажи мне, Диоген, какую бы ты придумал надпись?» — промолвил он. «Стало быть, нужно непременно писать на дверях?» — спросил я. «Разумеется», — сказал он. «Тогда слушай: „Живёт здесь Бедность, пусть беда в сей дом не вступит никогда!“» — «Заткнись, человече! Бедность и есть беда!» — воскликнул он. «Это по-вашему беда, а не по-моему, если хочешь знать...» — сказал я. «Скажи мне, ради богов, разве бедность не беда?» — удивился он. «Что

же она приносит дурного?» — спросил я в свою очередь. «Голод, холод, презрение», — ответил он.

5 «Ничего такого не приносит бедность — даже голода. На земле много всего произрастает, что не дает умереть ни от голода, ни от холода. Возьми животных, они, хоть не имеют одежды, а холода не чувствуют». — «Но животных такими создала природа», — возразил он. «А людей такими делает разум, но многие только по своему малодушию и изнеженности притворяются неразумными, но даже и в этом случае есть выход — шкуры животных и шерсть овец, стены пещер и домов. И в презрении не виновата бедность. Ведь Аристида, установившего размер подати для союзников[242], никто не презирал за бедность, как и Сократа, сына Софрониска. Не бедность приносит вред, а порочность.

6 Как же не считать благом бедность и не призывать её, если она избавила вас от многих пороков и несчастий?» — «Что ты имеешь в виду?» — спросил он. «Зависть, ненависть, клевету, грабежи, несварение желудка, колики и другие тяжёлые болезни. Поэтому напишите, что у вас в домах живёт бедность, а не Геракл. Вы же не боитесь чудовищ, которых уничтожал Геракл, — гидр, быков, львов, керберов, а на некоторых даже сами охотитесь. А те несчастья, от которых избавляет бедность, действительно ужасны. Бедность не требует больших затрат, и вы вскармливаете себе защитника, а на Геракла тратите много». — «Но бедность пользуется худой славой, а Геракл — великой», — заметил он. «Если для тебя позорна бедность, то для Авгия, Диомеда-фракийца и других был не менее позорен Геракл». — «Диоген, ты всё равно не уговоришь меня призвать бедность.

7 Придумай что-нибудь получше, чтобы заставить уничтожить на дверях имя Геракла», — сказал он. «Я уже придумал. Слушай. „Здесь Праведность живёт, так пусть беда в сей дом не вступит никогда“». — «Это мне нравится, но и имя Геракла не сотру, просто прибавлю: и „справедливость“». — «Хорошо, — сказал я. — Так и сделай, а после этого ложись и спи, как Одиссей, и больше ничего не бойся». — «Так я и сделаю, а тебе, Диоген, буду благодарен и ныне и во веки веков, потому что ты уберёг нас от бед». Вот, дорогой Тимомах, какими наставлениями занимался я в Кизике.

37. МОНИМУ

Когда ты покинул Эфес, я отплыл на Родос, собираясь посмотреть состязания в честь бога Солнца. Сойдя с корабля, я поднялся в город и направился к своему гостеприимцу Лакиду. Узнав о моём приезде, он, может быть, намеренно обошёл стороной агору. Я же исходил весь город, но нигде его не встретил, хотя мне сказали, что он где-то в городе. Тогда я с радостью обратился к гостеприимству богов и нашёл у них приют. На третий или, кажется, на четвёртый день он встретился мне на дороге, ведущей в лагерь, приветствовал меня и пригласил к себе по закону гостеприимства.

2 Тогда я, ничуть не сердись на него за то, что он так долго не мог меня найти, сказал: «Не подобает покидать богов, принявших меня, тогда как ты отказал мне в гостеприимстве, когда я прибыл сюда. Но так как они не могут гневаться по такому пустячному поводу, а я по своей слабости могу, то пойдём. Только прежде, если ты не против, зайдём в лагерь и поупражняемся в гимнастике. Я думаю, не следует, собираясь сегодня провести у тебя

время, покинув более высоких гостеприимцев, пренебрегать заботами о теле». — «Ты прав, Диоген, и я не заставлю тебя покинуть богов», — сказал он.

3 Поднявшись в лагерь, я там побродил и затем спустился в дом Лакида. У него было всё приготовлено, но не так, как того требует наша природа, а в соответствии с ложными взглядами, которых придерживаются другие. Там были постелены роскошные ложа, против которых стояли столы: одни из [...], другие из клёна, они были заставлены серебряными вазами. Подле столов выстроились слуги. Одни держали сосуды для мытья рук, другие — ещё что-то. Завидя всю эту роскошь, я воскликнул: «Лакид, я пришёл к тебе в гости, чтобы воспользоваться твоим дружелюбием, а ты приготовился встретить меня как врага.

4 Поэтому прикажи всё это унести отсюда, а для меня вели постелить ложе подобное тем, которые Гомер стелил для героев в „Илиаде“, — „на коже вола степового“[243] или на простой подстилке из соломы, как принято у спартанцев, и пусть тело моё отдыхает на привычном ложе. Слуги нам вовсе не потребуются. Мы обойдёмся своими руками — для того они и даны нам природой. Сосуды для питья пусть будут из глины и дешёвы, а питьём — родниковая вода, пищей — хлеб, приправой — соль или кардамон. Так есть и пить я научился у Антисфена и не потому только, что такая еда и питье дешёвы, но потому, что они полезнее и чаще встречаются на пути к счастью, которое следует предпочесть всему остальному... Этот единственный путь проходит по местности укрепленной и обрывистой, он крутой и тяжёлый.

5 По этому пути из-за его недоступности не всякий может пройти даже нагим, не говоря уж о том, что на нём не удержится тот, кто обременён какой-нибудь ношей, страданиями и оковами предрассудков, но не взял с собой ничего действительно необходимого. На этом пути пищей должны служить трава и кардамон, питьём — любая вода; особенно там, где необходимо очень быстро идти, следует привыкать питаться кардамоном, пить воду, носить лёгкий плащ, спать на земле, и пусть стоящий на пригорке Гермес сбивает с дороги путников, чтобы они возвращались домой без позорящей их ноши.

6 Научившись у Антисфена прежде всего так есть и пить, я поспешил вступить на этот путь к счастью и, не переводя дыхания, дошёл туда, где обитает счастье, и сказал: „Ради тебя, о счастье, и ради высшего блага я всё претерпел — пил простую воду, питался кардамоном и спал на голой земле“. И счастье мне ответило: „Я сделаю так, чтобы всё это не причиняло тебе мучений и стало приятнее, чем блага, доставляемые богатством, которое люди предпочитают мне, и не понимают, что для самих себя вскармливают тирана“. С тех пор как счастье поговорило со мной, я всё это ел и пил уже не для тренировки, а с удовольствием. К такому образу жизни у меня уже выработалась привычка. Нарушать ее вредно всякому.

7 Поэтому и ты готовь для меня такого рода пиры, подражая прекраснейшему в мире — счастью, а привычки богачей оставь тем, кто покидает этот путь. Если ты с этим согласен, — прибавил я, — то знай, что такие пиры доставляют мне удовольствие, и в будущем приглашай на них друзей. Тогда ты никогда не будешь скрываться от них, а станешь сам разыскивать, если кто-нибудь задержится». Так, после моего появления на Родосе я беседовал с Лакидом, моим гостеприимцем.

38. МОНИМУ

После того как состязания были отложены, ты покинул Олимпию, а я, большой любитель зрелищ, остался, чтобы посмотреть заключительную часть праздника. Я проводил время на площади, где было много парода. Там я прохаживался взад и вперед, наблюдал и прислушивался, что говорят купцы, рапсоды, философы, прорицатели. Один из них рассуждал о природе и могуществе солнца, пытаясь всех убедить своими речами. Тогда я вышел вперёд и спросил: «Скажи мне, философ, давно ли ты спустился с неба?» Он мне не смог ответить. Когда окружавшая его группа рассеялась, он стал прятать небесную карту в шкатулку.

2 Потом я подошёл к прорицателю. Он сидел на видном месте в венке, более пышном, чем у Аполлона, который считается изобретателем искусства гадания. Подойдя поближе, я спросил: «Ты хороший прорицатель, или плохой?». Он ответил, что превосходный. Тогда я поднял свою палку и снова спросил: «Отвечай, что я собираюсь делать? Поколотить тебя или нет?» Он подумал немного и изрёк: «Нет». Тогда я рассмеялся и ударил его. Окружавшие нас закричали. «Чего вы орёте? — возмутился я. — Он оказался плохим прорицателем и понёс достойное наказание».

3 Тогда стоявшие вокруг покинули и его, а люди, находившиеся на агоре, узнав о случившемся, пошли за мной и потом часто сопровождали меня и внимательно слушали мои речи о выносливости, нередко они были также свидетелями моей выдержки и скромной трапезы. Многие предлагали мне деньги, другие то, что стоило денег, а многие звали к себе на обед. У людей честных я брал самое необходимое на жизнь, а у непорядочных не брал. У тех, кто был мне благодарен за то, что я взял у них однажды, я брал вторично, а у неблагодарных больше не брал.

4 Я ценил тех, кто хотел подарить мне хлеба, и брал у тех, кто сам пользовался помощью, а у остальных я отказывался что-нибудь принять, считая неприличным брать у того, кто сам ничего не берёт. И обедал я не у всех, а только у нуждавшихся в духовном лечении. Это были люди, старавшиеся подражать персидским царям. Однажды я зашёл к одному очень богатому юноше. Я возлежал в мужской половине дома, обильно украшенной картинами и золотом.

5 Человеку здесь буквально не было куда плюнуть. В горле у меня скопилась мокрота, я откашлялся и стал искать глазами, куда бы сплунуть, но, не найдя подходящего места, плюнул на самого юнца[244]. Когда он возмутился, я сказал: «Послушай (при этом назвал его имя), ты бранишь меня за случившееся, а следовало бы себя, который разукрасил стены и полы в мужской половине и лишь одного себя оставил неразукрашенным. Не для того ли, чтобы осталось местечко, куда можно плюнуть?» — «Твои слова явно направлены против моей невоспитанности, но тебе не придется больше так говорить — теперь-то я от тебя не отстану ни на шаг».

На следующий день после этого происшествия он роздал своё имущество близким, взял котомку, сложил вдвое плащ и последовал за мной. Вот что я делал в Олимпии после твоего ухода.

39. МОНИМУ

Готовься к переселению в мир иной. Ты станешь готовиться, если будешь думать о смерти, т. е. к отделению души от тела, пока ты ещё жив. По моему мнению, это называли смертью и ученики Сократа. Такая подготовка очень легка. Философствуй и размышляй, каково, с твоей точки зрения, значение смерти и что происходит в согласии с природой, а что — в соответствии с законом. Только во время смерти душа отделяется от тела, а в остальных случаях — никогда. Пока она видит, слышит, воспринимает запах и вкус, она соединена с самим телом и будто привязана к одной с ним вершине. Когда мы не готовимся, к смерти, нам остается лишь ждать тяжёлого конца. Ведь душа страдает, словно лишается каких-то своих забав, и покидает тело с большой печалью. Когда же в это время она ещё встречает душу философов, то страдает и в пути.

2 Оставшись без провожатого, она несётся куда попало, натыкаясь на обрывы, пропасти, потоки, пока не достигнет крайних пределов, ибо её избегают, предполагая, что в жизни она совершила много преступлений, подчинившись худшей участи, из-за которой была вынуждена совершать множество бесчестных поступков, словно во власти негодяев. Когда же мы научимся над смертью заранее и разумно задумываться, то и жизнь окажется приятной, и конец нестрашным, да и путь лёгким. Ведь тогда душа философа, встретив такую разумную душу, выведет её на лёгкую дорогу и, словно с прекрасной добычей, открыто направится к подземным судьям прекрасных подвигов, а душа, словно привыкшая жить в одиночестве, не будет страдать, оставив тело.

3 Поэтому в Аиде такие души пользуются большим почётом, ибо при жизни не были привязаны к телу. Существует мнение, что души, привязанные к телу, низки и несвободны, а не привязанные к телу — благородны и горды, ибо живут, управляя всеми и величественно приказывая. Они воспринимают только то, что справедливо, а из противоположного — ничего такого, чем окружённое со всех сторон удовольствиями тело принуждает душу радоваться по примеру рыб или другого неразумного животного, рождённого для подчинения худшему началу.

4 Такие мысли должны прийти к тебе в голову, когда ты станешь размышлять над смертью перед тем, как переселиться в мир иной. Прежде всего жизнь покажется приятной. Ты будешь жить свободно, как господин, а не подчиненный, лишь на короткое время и в небольшой степени завися от тела, в гармонии с целым, молча царствуя и наблюдая, что боги уготовили честным людям, воздерживающимся от дикостей жизни, в которой царят грабёж и взаимные убийства, вызванные не чем-нибудь великим или божественным, а ничтожным и пошлым. Грабят и убивают тут не только людей, но и неразумных животных, ибо в отношении стяжательства, еды, питья и любви они все ненасытны и уподобляются животным.

40. ДИОГЕН-СОБАКА — АЛЕКСАНДРУ

Я уже осуждал за это Дионисия и Пердикку, а теперь и тебе говорю, что вы неразумно считаете, будто иметь власть — это значит воевать с людьми. В этом утверждении нет ни капли истины. Война — это безумие, а править — значит уметь обращаться с людьми и

трудиться для всеобщего блага. Теперь вместо того, чтобы действовать, находясь в полном неведении, подумай о том, как вручить себя человеку, который, излечив тебя, как больного врач, освободит от множества твоих теперешних недостойных заблуждений. Ты же всё ищешь, как причинить кому-нибудь зло, и, если даже хочешь, не можешь никому сделать добро.

2 Быть правителем и держать в своей власти человека вовсе не значит якшаться с подонками и нападать на первого встречного. Этого не делают даже худшие из зверей. Даже волки, коварнее и злее которых нет животных. А ты, как мне кажется, превзошёл даже их в свирепости. Им достаточно быть только злыми, а ты, мало того, берёшь в наёмники худших из людей и ещё предоставляешь им возможность творить зло и сам соперничаешь с ними в злодеяниях и даже стараешься их превзойти.

3 Задумайся над всем этим, дорогой, и поскорее приходи в себя. В какой земле ты находишься? Что для тебя значат все эти приготовления и зачем тебе вся эта спешка? Ты, конечно, не думаешь, что такие поступки делают тебя лучше других. А если ты не лучше их и не стараешься стать лучше, то, как полагаешь, что тебя ждёт, кроме несчастий, страхов и больших опасностей? Впрочем, я не знаю, можно ли быть ещё более несчастным, чем ты теперь, ибо какой несправедливый человек не несчастен? Какой злодей и насильник не страдает и имеет хоть какую-нибудь отраду в жизни? И такая жизнь в твоих глазах чего-нибудь стоит? И ради неё тебе не жаль подвергать себя смертельной опасности?

4 Как ты не замечаешь, что окружающие тебя люди вероломно замышляют против тебя заговоры, в то время как большинство совершают преступления? Пока ты таков, как есть, ты не в состоянии показать, как нужно обращаться с честным человеком. Ты близок к тем, от которых ты первым претерпел много зла, и сейчас от них ничего хорошего не видишь; тебе не помогут и стены, потому что пороки их легко перепрыгивают и через них проникают. Подумай и над тем, как творят своё чёрное дело болезни. Лихорадку даже стены не удержат, а насморк — целое наёмное войско. Поэтому ни один тиран не хочет оказаться в затруднительном положении. Не ради ли охраны здоровья ты выставил гарнизоны или заслон против невежества? Чтобы они получше его охраняли, а ты находился бы среди множества бед и опасностей?

5 Может быть, ты думаешь, что несчастья у людей проистекают по какой-либо другой причине, кроме той, что они не знают, что им следует делать? Вот почему, мне кажется, и ты принадлежишь к числу тиранов: у них не больше ума, чем у детей. Одумайся, милейший! И если хочешь быть хорошим человеком, заботься, чтобы выполнить хоть частицу своего долга. А этого ты никогда не сможешь сделать без наставлений. Хочешь, я пришлю к тебе кого-нибудь из афинских судей? Ведь они ежедневно только тем и занимаются, что исправляют преступников, а о себе думают как о великих людях, способных заставить остальных не причинять никому зла. Я не могу в заключение написать тебе: «Будь здоров!» или «Радуйся!», пока ты таков, как есть, и живешь в окружении себе подобных.

41. МЕЛЕСИППУ

Я не думаю, что каждый способен быть добродетельным в согласии с нашим учением, ибо у многих характер для этого неподходящий. Ведь и сын Мелета[245], назвав Зевса отцом богов и людей, не возвеличил его, а унизил, ибо трудно поверить, что те, от кого родители отказываются из-за их порочности, являются детьми Зевса. Только собака-киник сможет преуспеть в делах добродетели.

42. МУДРОЙ МЕЛЕСИППЕ

Рука моя ещё до твоего прибытия успела пропеть гименей, ибо она сумела найти более лёгкий способ для удовлетворения любовного желания, чем насытить желудок. Как ты знаешь, кинизм — это исследование природы. Если некоторые бранят наше учение, то я, хваля его, достоин большего доверия.

43. ГРАЖДАНАМ МАРОНЕИ

Вы правильно поступили, переименовав свой город и назвав его вместо Маронеи Гиппархией. Лучше ему называться по имени Гиппархии, которая хоть и женщина, но философ, чем по имени Марона, виноторговца, хоть он и был мужчиной[246].

44. МЕТРОКЛУ

Не только хлеб, вода, соломенная подстилка и старый плащ учат благоразумию и терпеливости, но, если можно так выразиться, и пастушеская рука. О, если бы раньше я знал, какой она отличный волопас! Позаботься о ней во всех своих предприятиях: она очень нужна при нашем образе жизни. Разнузданным отношениям с женщинами, которые требуют так много праздного времени, скажи «прощай». [...] Не обращай внимания, если кто-нибудь из-за такого образа жизни назовёт тебя собакой или ещё как-нибудь похлеще.

45. ПЕРДИККЕ

Не стыдишься ли ты своих угроз, направленных против меня в посланном тобой письме? Ты угрожаешь только потому, что я не соглашаюсь предстать перед тобой хуже Эрифилы и продаться с позором за золото[247]. Ведь ты этого просишь и не перестаёшь преследовать, грозя убить меня, как жука, и не знаешь, что, сделав так, заплатишься. Есть некто, кто обо мне заботится и потребует полной мерой ответа с исполнителей этих бесчестных преступлений: живых он просто накажет, а мёртвых — вдвойне. Я написал тебе об этом, не потому что испугался твоих угроз. Я просто не хочу, чтобы из-за меня ты совершил преступление.

46. МУДРОМУ ПЛАТОНУ

Ты осуждаешь мой потёртый плащ и котомку, как тяжкую и обременительную ношу, которая для жизни не приносит никакой пользы. Для тебя это, действительно, тяжкая и обременительная ноша, ибо ты, участвуя в трапезах у тиранов, привык чрезмерно насыщаться и гордиться не духовными добродетелями, а желудком барана. Что же касается меня, то я соединил свою ношу с добродетелью. Какое ещё более убедительное

доказательство этого я мог бы привести, кроме того, что не оказался во власти удобств и удовольствий?

2 Я считаю важным приносить человеческому роду пользу больше всех других людей не только тем, что у меня есть, но и самой своей личностью. Какой враг станет вести войну против такого нетребовательного и скромного человека, как я? Против какого царя или народа стали бы воевать люди, довольствующиеся плащом и котомкой? Душа у таких людей беспорочна, далека от тщеславия и неумеренных страстей и в то же время правдива и враждебна всякой лжи. Если тебя это не убеждает, продолжай предаваться наслаждениям и смейся надо мной, как над слабоумным.

47. ЗЕНОНУ

Не следует ни жениться, ни воспитывать детей, так как род людской немощен, а брак и дети обременяют человеческую слабость всякими огорчениями. Те, кто вступил в брак и, готовя себе помощников, принялся растить детей, но, почувствовав, с каким множеством беспокойств это связано, раскаивается, могли бы первоначально всего этого избежать. А человек, лишённый страстей, считающий достаточным для перенесения любых лишений владеть тем, что имеет, избегает заводить семью и производить на свет детей. Но так у людей не будет наследников, скажешь ты, откуда же появятся потомки?

2 Если бы из нашей жизни была изъята глупость, все стали бы мудрецами. А ныне, может быть, один, поверив мне, не обзаведётся детьми, а все остальные, мной не убеждённые, будут рожать детей. Если и исчезнет род человеческий, то не стоит ли сокрушаться по этому поводу ровно столько же, сколько при прекращении появления потомства у мух или ос? Так рассуждают те, кто не исследует природу вещей.

48. РЕЗУ

Фриних из Ларисы, мой слушатель, страстно желает повидать богатый конскими пастбищами Аргос[248]. Будучи философом, он попросит у тебя немного.

49. [АРУЭКЕ]

Киник-собака желает Аруэке познать самого себя (тогда ты действительно будешь благоденствовать). Но если у тебя страдает душа, к примеру, безумием, то приглашай соответствующего врача и молись богам, чтобы [здесь текст испорчен, перевод по смыслу] он тебе помог и не пришлось приглашать другого. Не откладывай лечения на долгое время. Вино может храниться долго с пользой для него, а дереву этим только повредишь. Если так поступишь, то будешь не только мне, но и всем остальным дорогим другом. Будь здоров и радуйся! Этого я пожелал тебе в письме, если ты его внимательно прочёл.

50. ХАРМИДУ[249]

Твой знакомый Эвримон предложил мне ряд очень тонких софизмов и загадок. Я же предпочитаю гордиться умением не в подобных делах, похожих на пустые шкатулки с

трудно отпирающимися замысловатыми запорами, а добродетельной жизнью, которая должна быть перед всеми открыта. Уже после своих трудных и весьма учёных исследований благородный и мудрый Эвримон вступил в борьбу с собственным отцом, вовсе не без надежды, за материнское наследство. Эту битву мудреца некоторые из случайно находившихся при сем неотесанных лиц постарались прекратить.

А если бы он в самом деле был воспитан в добродетели, ему следовало бы отвыкнуть от страсти к деньгам, являющейся причиной всех зол, или держаться подальше от святой философии, свободной от всех страстей. Афиняне, познавшие нашу философию, похожи на тех, кто обещает вылечить других от болезней, от которых сами страдают и не могут исцелиться.

51. ЭПИМЕНИДУ

Эпимениду [...], может быть, ты останешься дома, улаживая своё чрево и украшая тело. Я слышал, что ты обещаешь научить добродетели. Я несколько этому не удивился: быть благоразумным, говорит Симонид, трудно, обещать — легко.

Письма киников. Кратет

1. ГИППАРХИИ

Приезжай скорее. Может быть, ты еще застанешь Диогена в живых (конец его близок — вчера он едва не умер) и сумеешь отдать ему последний долг. Ты увидишь, на что способна философия даже в таких исключительных обстоятельствах.

2. УЧЕНИКАМ

Не у всех просите на жизнь и не от всякого принимайте подарки, ибо не следует добродетели существовать за счёт зла. Просить и принимать можно только у посвящённых в философию. Тогда вы сможете потребовать назад своё и не будет казаться, что вы просите чужое.

3. УЧЕНИКАМ

Постоянно заботьтесь о душе, о теле — лишь по необходимости, а всему внешнему вообще не придавайте значения. Ведь счастье заключается не в удовольствиях, для которых нужны внешние условия. Добродетель совершенна сама по себе и не нуждается в помощи извне.

4. ГЕРМАИСКУ

Желателен ли труд или не желателен, трудись, чтобы не испытывать неудобств в жизни. Уклоняясь от труда, ты всё равно не избежишь его. Когда же ты стремишься к нему, он бежит от тебя.

5. УЧЕНИКАМ

Хорошая вещь закон, но не лучше философии. Закон принуждает не совершать преступлений, философия учит этому. Насколько хуже делать что-нибудь по принуждению, чем добровольно, настолько закон хуже философии. Поэтому занимайтесь философией, а не политикой. Лучше, когда люди учатся поступать по справедливости, чем принуждаются не совершать преступлений.

6. УЧЕНИКАМ

Философия важнее дыхания, ибо гораздо важнее хорошо жить, чему учит философия, чем просто жить, что зависит от дыхания. Но философствовать должно не так, как другие, а следовать тому, чему положил начало Антисфен и что завершил Диоген. Пусть эта философия нелегка, зато немногословна. К счастью, учил Диоген, нужно идти даже сквозь огонь.

7. БОГАЧАМ

Будьте вы прокляты за то, что, имея бобы, сушёные фиги, воду и мегарские хитоны, вы всё-таки отправляетесь в дальние плавания, возделываете поля, занимаетесь предательствами, убийствами, тиранствуете и т. п., тогда как следует жить несуетливо. Освобождённые Диогеном, мы живём в полном спокойствии, далёкие от всякого зла. У нас всё есть, хотя мы ничего не имеем, а вы, обладая всем, вечно нуждаетесь, терзаемые соперничеством, завистью, страхом и стремлением к пустой славе.

8. ДИОГЕНУ

От богатства я уже освободился, но жажда славы даже и теперь держит меня в рабстве, хотя, клянусь Гераклом, я всё делаю, чтобы от неё избавиться. Впрочем, я освобожусь и от этой хозяйки и отправлюсь на корабле в Афины, захватив для тебя подарок в благодарность за свободу, к которой ты призывал. Важнее её для меня ничего нет.

9. МНАСО

Не бойся самых красивых украшений, украшайся ими каждый день, чтобы отличаться от других. Но самое прекрасное украшение то, которое лучше всего украшает, а лучше всего украшает то, что делает женщину наиболее скромной[250], а скромной делает скромность, которая, как мне кажется, украшала Пенелопу и Алкестиду, да ещё и теперь восхваляется как одно из проявлений добродетели. Итак, чтобы сравняться с ними, усердно следуй нашим советам.

10. ЛИСИДУ

Я слышал, Лисид, что со времени Эретрийской битвы ты постоянно пьянствуешь. Если это правда, не сочти достойными презрения слова мудрого Гомера: «Еврителион, многославный кентавр, и тот был вином обезумлен»[251], как и Киклоп, превосходивший людей и величиной, и силой. Если оно так губительно действует на тех, кто сильнее и больше нас, как же, по-твоему, оно должно действовать на нас? Я, по крайней мере, думаю, что скверно. Поэтому, чтобы не случилось большой беды, прошу тебя, не пей сверх меры.

2 Нелепо думать, что нельзя подвергаться удару палки, хотя тот, кто его получает, не лишается рассудка и не становится безумцем, в то же время поддаваться вину и упражняться в его употреблении (ударов же избегать). Старайся общаться с людьми разумными и учись пить умеренно, чтобы дар бога не ударил тебе в голову, когда ты к нему непочтителен, и чтобы он приносил тебе радости, приятные и не вызывающие раскаяния, когда ты относишься к нему с почтением. Всякая жизнь, прожитая в воздержании, заставляет и тебя жить достойно и справедливо, не позволяет совершать дурные и позорные поступки, но, напротив, побуждает говорить и поступать справедливо.

3 Говорят, благодаря этому люди становятся трижды счастливы, ибо обладают в жизни тремя благами. И в самом деле, разве не трижды счастливы те, у кого душа сильна, тело здорово, а сами они довольствуются тем, что имеют? Если и ты хочешь обладать этими

благами, советую не пренебрегать моими наставлениями.

11. УЧЕНИКАМ

Приучайтесь обходиться малым (это сближает нас с богом, противное же удаляет), и вам, занимающим среднее место между богами и неразумными животными, станет возможным уподобиться высшему роду, а не низшему.

12. ОРИОНУ

Не деревня сама по себе делает человека нравственным, а город — безнравственным, а те, с кем он общается, — хорошие или дурные люди. Поэтому, если хочешь вырастить детей хорошими, а не дурными, посылай их не в деревню, а в философскую школу, куда ходил и я и учился добру. Добродетель достигается упражнением и сама собой не проникает в душу, как порок.

13. ЭВМОЛПУ

Незавидная у Диогена одежонка, но прочная, и тот, кто её носит, верит в её надёжность больше, чем щеголяющие в карфагенских одеждах. У Диогена бедная жизнь, но здоровее персидской, она полна трудов (επιπονος), но свободнее, чем у Сарданапала. Итак, платье его прочнее карфагенского, здоровье крепче, чем у живущего в роскоши, он свободнее того, кто ведёт постыдный образ жизни, поэтому та философия, которая сумела всё это свершить, наилучшая из всех. Эту философию разработал не кто иной, как Диоген, который нашёл краткий путь к счастью.

14. МОЛОДЫМ ЛЮДЯМ

Привыкайте есть простой хлеб и пить воду, а к рыбе и вину даже не прикасайтесь. Такая пища, словно волшебное снадобье Кирки, стариков превращает в животных, а юношей — в женщин.

15. УЧЕНИКАМ

Избегайте не только наихудших из пороков — несправедливости и распутства, но и наслаждений, из которых они рождаются, ибо вы будете предаваться им и ничему другому. Стремитесь не только к высшим из благ — воздержанности и твердости, но и к тому, что их порождает, — к трудам и не избегайте их только потому, что они тяжелы. Прилагая большие усилия, не ожидайте получить ещё большие доходы, но, как медь помогает добыть золото, так труды — достичь добродетели.

16. УЧЕНИКАМ

Киническая философия — детище Диогена, а собака-киник — её последователь. Философствовать по-кинически (συνίζειν) — значит философствовать кратко. Поэтому не бойтесь её, не избегайте носить потёртый плащ — трибон и котомку — перу, — оружие

богов. Их охотно носят люди, чей нрав достоин всяческой похвалы. Если вы преисполнены добродетелей, вы не станете негодовать, когда вас назовут негодьями.

Поэтому не стоит обижаться, когда вместо «философствовать кратко» говорят «философствовать по-кинически», а последователя такой философии называют собакой-киником, самое же философию — кинической. Всё это одни слова. А быть рабом условностей и к тому же ещё придавать значение словам, которые, как говорят, — лишь тень вещей, ведь это хуже всего. Учитесь презирать подобные вещи.

17. УЧЕНИКАМ

Врачи описали одну болезнь желудка, которая, как они говорят, заключается в несварении, а Диоген — другую, которая, как говорил он, связана с голодом. Но если просить лекарство у врачей от несварения не считается неприличным, то нельзя считать неприличным и лечиться от голода. Поэтому презирайте тех, кто утверждает, что всё это постыдно и неприлично, и просите без стеснения как хлеба, так и пилюли. Не просить зазорно, а оказаться недостойным подавания. Неудобнее просить лекарство от несварения, чем от голода. Несварение — следствие беспутного обжорства, голод — нужды и бедности.

18. МОЛОДЫМ ЛЮДЯМ

Приучайтесь мыться холодной водой, пить воду и есть только после работы до пота, носить старый плащ, спать на земле. Тогда для вас повсюду будут открыты бани; виноградники не перестанут приносить урожай, а овцы — приплод; рынки всегда будут изобиловать всякой снедью и кроватями, словно для тех, кто привык мыться в тёплой воде, пить вино, есть, не потрудившись, ходить в пурпуре и вкушать сон на кровати.

19. ПАТРОКЛУ [МЕТРОКЛУ?]

Не называй Одиссея, который был изнеженнее всех своих товарищей и выше всего ценил удовольствия, отцом кинической философии только лишь потому, что он похож на киника[252]. Не внешние приметы делают человека киником, а киник сам присваивает их себе. Одиссей всегда любил поспать, поесть, хвалил приятную жизнь, никогда ничего не делал без помощи бога или судьбы, просил у всех, даже у неблагодарных, и брал всё, что дают. Считай отцом кинизма Диогена, который не пускал пыль в глаза, а всю жизнь трудился и преодолевал тягу к удовольствиям, ничего не требовал от бедняков, пренебрегая даже самым необходимым, и полагался только на самого себя.

2 Он никогда не вымаливал себе почестей из сострадания, а завоёвывал их своей непреклонностью, полагаясь на разум, а не на хитрость или оружие. Он не только проявил твёрдость духа перед лицом смерти, но и вёл себя мужественно в течение всей своей добродетельной жизни. Поэтому подражай не Одиссею, а Диогену, который и при жизни, и после смерти, оставив нам в наследство свои речи, многих отвратил от порока и наставил на путь добродетели.

20. МЕТРОКЛУ[253]

После того как ты уехал от нас к себе домой, я отправился на юношескую палестру и, умастившись, принялся бегать. Юноши увидели меня и начали надо мной смеяться. Я же, чтобы не окончить упражнения раньше срока, стал подбадривать себя такими словами: «Кратет, у тебя болят глаза, у тебя болит голова, у тебя болят уши, у тебя болят ноги». Они прислушались и перестали смеяться, потом принялись за дело и начали сами бегать, натерлись маслом и делали гимнастические упражнения.

2 Все это помогло им окрепнуть, и они испытывали ко мне благодарность за то, что я сделал их здоровыми. Больше они меня уже не оставляли, а постоянно сопровождали, куда бы я ни шёл. Они внимательно слушали меня и старались подражать моим словам и поступкам. Я рассказал тебе об этом для того, чтобы и ты не бегал в одиночку, а шёл туда, где собирается молодежь, ибо пример обучает выносливости намного быстрее, чем слова. Делу же учит только философия Диогена.

21. МЕТРОКЛУ-СОБАКЕ

До тех пор пока ты будешь бояться прозвища собаки, я буду к тебе обращаться только так, а ты, кажется, всё ещё боишься его. Впрочем, посылая мне письма, ты адресовал их собаке. Поэтому и в остальном научись поступать, как следует, если привыкнешь не только рассуждать, но и не бояться. Долог путь к счастью через поучения и короток через упорные труды и упражнения. Большинство преследует ту же цель, что и собаки-киники, но, когда замечают тяжесть короткого пути, бегут от тех, кто зовёт их вступить на него. Не следует готовить киников таким путём, они должны рождаться, ибо благодаря природе упражнение приведёт к цели скорее, чем этот путь.

22. МЕТРОКЛУ

Проси не у всех, а только у достойных. Бери у всех по-разному: у людей бережливых — три обола, а у расточителей — мину, ибо у тех, кто так проматывает своё состояние, вторично ты уже ничего не получишь, как у благоразумных[254].

23. ГАНИМЕДУ

До тех пор пока ты будешь бояться трибона, котомки, посоха и длинных волос, а любить — пурпур и роскошь, за тобой не перестанут таскаться поклонники, как за Пенелопой женихи. Поэтому, если тебе не надоели эти типы, продолжай жить, как жил. Если же они, как я думаю, тебе в тягость, оставь всех прочих советчиков, с помощью которых ты не раз пытался их прогнать, но так и не смог. Надень доспехи Диогена, благодаря которым он обратил в бегство своих врагов, и будь уверен, что ни один из поклонников больше к тебе не приблизится. Эти доспехи прекрасно помогают разбить таких врагов и скрыть не желающего с ними открыто вступать в схватку подобно тому, как шлем Аида делает невидимым того, кто его надевает.

24. ФЕССАЛИЙЦАМ

Люди появились на свет не для коней, а кони — для людей, поэтому обращайтесь больше внимания на себя, чем на лошадей. Пока вы убеждены, что в мире нет ничего более ценного, чем кони, сами вы почти ничего не стоите.

25. АФИНЯНАМ

Мне стало известно, что вы нуждаетесь в деньгах. Продайте коней, и всё образуется. Когда же появится нужда в конях, примите решение, чтобы ослов называть конями[255]. Вам это не в диковинку. Разве вы назначаете того, кто может принести пользу делу, а не тех, кто пройдет большинством голосов? Если в более важных делах такой порядок не приносит вам вреда, то нечего ожидать, что он повредит в менее важных. Поэтому послушайте меня и, если вы действительно нуждаетесь в деньгах и нет другого выхода, продайте коней, а ослов, в случае необходимости, поднятием руки назначьте конями.

26. АФИНЯНАМ

Не удивляйтесь, что Диоген, утверждавший, что всё принадлежит мудрецу, не просил у вас подаяния, а требовал своё. Ведь вы соглашаетесь, что всё принадлежит богу, и это вас несколько не удивляет, а если кто-нибудь, приснившийся вам, прикажет совершить жертвоприношение, вы делаете это во имя бога и не говорите, что Гелиос «просит», но что он «требует» своё. Заявляя, что всё принадлежит богу, вы не приходите в негодование, когда он чего-нибудь от вас требует. То же самое касается и мудреца. Вы же согласны, что всё принадлежит богу и у друзей всё общее, но только мудрец является другом бога. Когда же у одного из вас он попросит обол, вы причитаете, будто расстаётесь со своим добром.

27. АФИНЯНАМ

Диоген-собака утверждал, что всё принадлежит богу, а у друзей всё общее, поэтому всё принадлежит мудрецу[256]. Если кто-нибудь из этого умозаключения выбросит хоть одну посылку, он нарушит договор не между ахейцами и троянцами, но с самой жизнью. Поэтому, соглашаясь с этим утверждением, не сердитесь, когда мудрецы просят у вас три оболы. Вы даёте не своё, а только возвращаете принадлежащее им.

28. ГИППАРХИИ

Природа не создала женщин более слабыми, чем мужчины[257]. Так, амазонки, совершив столько подвигов, ни в чём не уступали мужчинам. Помни об этом и придержишься такого мнения. Ведь тебе не убедить меня, что дома ты не живёшь в роскоши. До сих пор вместе со мной ты следовала киническому учению и пользовалась уважением благодаря нашему супружеству и бедности, а теперь тебе не стыдно изменить своим убеждениям и повернуть с середины пути назад?

29. ГИППАРХИИ

Нашу философию называли кинической не потому, что мы ко всему безразличны, но потому, что мы стойко переносим всё, что другим представляется невыносимым из-за собственной

изнеженности или приверженности к чужому мнению. Нас называли собаками по второй, а не по первой причине. Итак, оставайся со мной и продолжай разделять со мной кинические взгляды (ведь от природы ты ничуть не хуже меня, подобно тому как суки не слабее кобелей), чтобы с помощью природы стать свободной, в то время как все находятся в рабстве у закона или пороков.

30. ГИППАРХИИ

Я отослал тебе назад плащ, который ты соткала и прислала мне, ибо запрещено носить такую одежду человеку, воспитывающему в себе стойкость и выносливость. Кроме того, я хочу отвлечь тебя от занятий, которыми ты так увлеклась, чтобы показать свою любовь к мужу. Если бы я взял тебя в жёны с такой целью, тогда ты правильно делаешь и своим поступком доказываешь свою любовь. Если же целью нашего брака была философия, к которой ты и сама стремилась, то брось свои теперешние занятия и лучше старайся приносить пользу в улучшении человеческой жизни. Именно этому ты училась у меня и у Диогена.

31. ГИППАРХИИ

Разум, управляющий душой, — прекрасная вещь и высшее благо для людей. Поэтому думай над тем, как его приобрести. Взамен получишь счастье и опору в жизни. Ищи мудрых людей, если для этого придётся отправиться даже на край света.

32. ГИППАРХИИ

Приехали какие-то люди и привезли новый плащ, который, как они рассказывали, ты сама сшила для меня на зиму. За то, что ты заботаешься обо мне, спасибо, но я очень недоволен, что ты всё ещё занимаешься домашними делами, а не философией, которой я учил тебя. Займись, наконец, хоть сейчас философией, если в самом деле интересуешься ею, а не притворяешься, и старайся делать то, ради чего ты стремилась за меня замуж, а все эти пустяковые заботы с прядением шерсти оставь другим женщинам, чьи интересы очень далеки от твоих.

33. ГИППАРХИИ

Я узнал, что ты родила и притом легко, а мне ничего не сообщила. Благодарю бога и тебя. Ну вот, ты убедилась, что трудности нужно переносить ради того, чтобы не испытывать их. Ведь ты не родила бы с такой легкостью, если бы во время беременности не трудилась, как атлеты, а большинство женщин, забеременев, ведут праздный образ жизни. Если им посчастливится остаться в живых при родах, то они рожают слабых детей. Ты же доказала, что случилось то, что должно было случиться. Теперь заботься о нашем щеночке. Я уверен, ты будешь хорошо о нём заботиться, когда придёшь в себя,

2 Купай его в холодной воде, колыбель устрой из старого плаща, молоком корми досыта. Ты будешь убаюкивать его в панцире черепахи — это, говорят, отвращает от детских болезней. Когда он начнёт говорить и ходить, дай ему не меч, как Этра[258] Тезею, а посох, трибон и

суму, которые лучше оберегают человека, чем мечи, и пошли его в Афины. Об остальном позабочусь я сам, чтобы до нашей старости воспитать аиста вместо собаки.

34. МЕТРОКЛУ

Знай, что я очень опечалился, узнав, что Диоген был захвачен в плен пиратами. Если бы один из пленников не был выкуплен и не вернулся в Афины, я и сейчас пребывал бы всё в том же состоянии. А теперь этот вырвавшийся из плена человек утешил меня своим рассказом. «Диоген, — говорил он, — стойко перенёс несчастье. Однажды, когда разбойники совсем забросили нас, он обратился к ним с такими словами: „Эй, вы! Что собираетесь с нами дальше делать? Если бы везли свиней на рынок, то, пожалуй, стали заботиться о них, чтобы выручить побольше денег при продаже, а нас, собираясь продавать, как свиней, вы оставляете совсем без внимания.

2 Не думаете ли вы, что мы принесём вам гораздо больший доход, если будем выглядеть достаточно упитанными, и меньший, если тощими? Когда люди ничего не едят, не кажется ли вам, что о них нужно побеспокоиться? Имейте в виду, что все, кто покупает рабов, смотрят только на одно, упитаны ли их тела и насколько они рослы. Я объясню вам и причину этого: человека покупают, чтобы использовать его тело, а не душу“. С того времени разбойники всегда о нас заботились, и за это мы были благодарны Диогену.

3 Однажды, прибыв в какой-то город, разбойники решили нас продать и вывели на рыночную площадь. Мы стояли там и рыдали, а он взял кусок хлеба, сам ел и нам предлагал, мы отказывались, а он продекламировал:

Пищи забыть не могла и несчастная мать Ниоба[259]. При этом он шутил и смеялся, затем прибавил: „Хватит вам притворяться и плакать только из-за того, что станете рабами, будто бы до того, как попасть в руки разбойникам, вы были свободными, а не рабами у самых отвратительных хозяев? А теперь, может быть, вам повезёт получить хороших господ, которые изгонят из вас губительную слабость и приучат к стойкости и самообладанию, самым ценным из благ“.

4 Когда он так рассуждал, покупатели, окружившие нас, слушали и восхищались его хладнокровием, а некоторые стали спрашивать, что он умеет делать. Диоген ответил, что править людьми, и добавил: „Если кто-нибудь из вас нуждается в господине, пусть пойдёт и договорится с моими владельцами“. Тогда они стали смеяться и допытываться: „Какой же свободный нуждается в господине?“ — „Все, — ответил он, — негодные людишки, почитающие наслаждение — самый большой соблазн, ведущий к пороку, и презирающие труд“.

5 Тут поднялся целый спор из-за Диогена, и пираты решили его не продавать, сняли его с камня и увели к себе домой, обещая отпустить на волю, если он научит их чему-нибудь из того, что обещал при продаже. Вот почему, вернувшись домой, я не достал денег на его выкуп и тебе не писал об этом». Радуйся и ты, Метрокл, что даже в плену у пиратов он жив и невредим и что оказалось правдой то, чему не все верили[260].

35. [.....]

Многоуважаемый друг, древний оракул гласит: «Неизбежного не избежать». Лаконично и подходит к любым обстоятельствам. Тот, кто пытается избежать неизбежного, всегда несчастен, а тот, кто стремится к невозможному, обязательно потерпит неудачу. Возможно, я покажусь тебе слишком назойливым и педантичным. Не стану оправдываться. Можешь, если хочешь, осуждать меня, но прислушайся к древним. Что же касается меня, то по собственному опыту знаю, что люди тогда попадают в тяжёлое положение, когда хотят вести безмятежную жизнь.

2 Такое желание характерно для людей слабых и беспомощных, а жить неизбежно приходится в общении с людьми, и от тела с его потребностями никуда не скрыться. Большинство же жизненных невзгод происходит от безрассудства окружающих нас людей и от тела. Когда в тяжёлом положении оказывается истинный мудрец, он спокоен и невозмутим. Это настоящее счастье. Если же человек не способен на это, он всегда будет тешить себя пустыми надеждами и привязываться к своим желаниям.

Поэтому, если тебе по душе жить, как все, то пользуйся наставлениями советчиков из такого рода людей: они более опыты в подобный делах. Если же тебе нравится жизнь Сократа и Диогена, то, оставив другим трагический пафос, сам старайся быть похожим на них.

36. ДИНОМАХУ

Когда просили денег, Диоген называл это киническим нищенством, когда же давали, — сострадательной мудростью. Зная об этом, не у всех проси, ибо не у всякого возьмёшь, а только у благоразумного. Его-то мы и называем счастливым, а из прочих — никого.

Письма киников. Менипп

МЕНИПП ИСТИННЫМ НОСИТЕЛЯМ КОТОМКИ

Вы правильно делаете, терпя голод, жажду и холод, ночуя на голой земле, ибо так повелевает закон Диогена, написанный в духе Ликурга, спартанского законодателя. Кто ослушается его, тот попадёт во власть болезни, зависти, печали и других бед подобного же сорта. На него обрушатся подагра, хрипота и громовые раскаты, испускаемые из чрева, так как он кощунственно оскорбил справедливый и божественный закон, провозглашенный уроженцем Синопы.

Кинизирующая эпистолография

VII. ПИСЬМО ГЕРАКЛИТА ГЕРМОДОРУ

Часть первая

1 Я слышал, что эфесцы собираются утвердить направленный против меня закон. Но против одного человека выносят не закон, а постановление. Эфесцы не знают, что существует разница между судьей и законодателем. Последний, свободный от всяческих страстей, работает на неизвестное ему будущее, поэтому он лучше судьи, который, видя подсудимого, поддаётся настроению. Люди знают, Гермодор, что я вместе с тобой трудился над составлением законов, и хотят изгнать меня, но они это сделают не раньше, чем признают несправедливость своего решения. Они хотят, чтобы по этому закону всякий, кто не смеётся и ненавидит людей, до захода солнца был изгнан из города. Но ведь есть только один человек, Гермодор, который не смеётся. Этот человек — Гераклит. Значит это меня изгоняют.

2 О люди, а вы не хотите узнать, почему я никогда не смеюсь? Не потому, что ненавижу людей, а потому, что ненавижу их пороки. Внесите уж лучше такой закон: «Кто ненавидит порок, пусть покинет город». Тогда я первым удалюсь в изгнание. Я с радостью покину не родной город, а порок. Итак, перепишите заново своё постановление. Если вы соглашаетесь, что эфесцы порочны, тогда я их ненавижу. Разве я не более справедливый законодатель, если благодаря мне будут тысячу раз наказаны и приговорены к денежному штрафу те, кто изгнал из жизни Гераклита за то, что по вине порочных людей он никогда не смеётся. А денежный штраф — для вас тяжелейшее наказание. Это ваше изгнание, это ваша смерть.

3 Вы нанесли мне обиду, лишив того, что дал бог, и к тому же ещё незаконно изгоняете. Может быть, мне прежде всего следовало полюбить вас за то, что вы лишили меня возможности веселиться и не перестаете преследовать законами и изгнаниями? Впрочем, оставаясь в городе, разве я не нахожусь в ссылке? С кем вместе я развратничаю, в компании с кем убиваю, пьянствую, совершаю преступления? Я никого не развращаю, никого не обижаю. Я одинок в городе. В этом моем одиночестве виноваты ваши пороки. Может быть, рынок ваш делает Гераклита хорошим человеком? Нет, это Гераклит исправляет вас, город. Но вы не хотите никаких исправлений.

4 А я хочу быть и являюсь законом для других. Но один я не в состоянии обуздать целый город. Вы удивляетесь, что до сих пор ни разу не видели, как я смеюсь, а я, со своей стороны, дивлюсь, глядя на людей, которые смеются и радуются, свершив беззакония.

Между тем им, виновникам несправедливости, следовало быть печальными. Дайте мне возможность спокойно смеяться и не видеть, как вы отправляетесь в суд, словно на войну, держа язык наизготове, как оружие. Вы направляетесь туда, награвив предварительно денег, изнасиловав женщин, отравив друзей, совершив святотатство, назанимавшись вдосталь сводничеством, обманув народ, избив [рабов], запятнав себя множеством преступлений.

5 Как могу я смеяться, видя, что люди делают всё это, не обращая внимания на свою одежду, бороду и головные уборы. Разве я могу смеяться, видя, как жена отравителя держит в объятиях ребенка, как у детей отнимают их состояние, как муж лишается его в браке, как насилуют ночью девушку, как гетера, ещё не ставшая женщиной, отдается мужчине, как бесстыдный мальчишка, один, становится любовником всего города, как сливки изводят на благовония, как для того, чтобы побольше нажраться на пирах, вставляют два пальца в рот. Могу ли я смеяться при виде безумных трат на чревоугодие или народа, решающего важнейшие вопросы на сцене театра? И сама добродетель наполнит мои глаза слезами, если ей предпочтут порок.

6 Может быть, мне смеяться, наблюдая ваши войны, когда вы, несчастные, под предлогом нанесённой вам обиды пятнаете себя убийствами, превращаясь из людей в диких зверей, становясь под музыку флейт и труб чуждыми любой музе. Железо, столь подходящее для плугов и других земледельческих орудий, вы превращаете в орудия убийства и насилия. Вы оскорбляете и богов — Афины-воительницу и Ареса, прозванного Эниалием. Вы выстраиваете друг против друга фаланги и жаждете, чтобы человек убил человека, показывая как дезертиров тех, кто не запятнал себя убийством, и превознося того, кто больше всего пролил крови.

7 Львы не вооружаются друг против друга, кони не хватаются за мечи. Нельзя увидеть орла, нацепившего доспехи для битвы с орлом. Никто из животных не имеет другого боевого оружия, кроме собственных членов. Для одних оружие — рога, для других — клюв, для третьих — крылья, для четвертых — скорость. Одним помогает большой рост, другим — малый, одним — толщина, другим — их умение плавать, многим — храбрость. Ни одно неразумное животное не испытывает удовольствия от оружия, сохраняя лишь то, что дано ему законом природы. Иначе у людей: чем больше они приобретают, тем больше чувства неуверенности у овладевших.

8 Для чего вам нужно прекращение войн? Может быть, так вы избавите меня от печали? Но каким образом? Разве это не вы грабите землю и город, издеваетесь над старостью, уводите женщин, вырываете детей из материнских объятий, оскорбляете супружеские узы, превращаете девушек в наложниц, мальчиков — в женщин, свободных заключаете в оковы, расхищаете храмы богов, уничтожаете памятники героям, воспеваете нечестивые дела и совершаете благодарственные жертвоприношения богам за учинённые беззакония?

9 Разве я могу смеяться, когда в мирное время вы сражаетесь словами, а во время войны решаете споры оружием, мечами уничтожаете справедливость. Гермодора изгоняют потому, что он пишет законы, Гераклита — за нечестие. Для толпы его одиночество — предлог для оскорблений. Городские стены стоят как символ человеческой порочности,

скрывая ваши беззакония, все заперты в домах. Есть ещё стены заблуждений. Внутри — враги, хотя и сограждане, снаружи — враги-чужеземцы. Кругом враги, друзей — ни одного.

10 Могу ли я смеяться, когда столько врагов? Чужое имущество вы считаете своим, чужих жён — своими, свободных порабощаете, живых пожираете, законы преступаете, преступления освящаете законами, отнимаете силой всё, что вам не принадлежит. Законы, которым более всего пристало быть символом справедливости, становятся символом произвола. Если бы они не были такими, вас бы уже ничего не сдерживало в ваших злодеяниях, а сейчас они немного вас обуздывают. Только страх перед наказанием сдерживает вашу жажду преступлений.

Часть вторая[262]

...Разве это не значит иметь мозги набекрень?! Восхищаться пышностью театров и не почитать красоту светил. Ведь в театре, хоть и разукрашенном, нет души, а небо полно богов. Созерцайте же солнце, дающее жизнь душе. Пусть вся эта красота не пройдет мимо вас. Наблюдайте также за богом светил. Вам говорят, что согласны с вами, — не спорьте. Вам говорят: «Совершенствуйтесь, не грешите. Закон угрожает. Берегитесь наказания. Стремитесь к награде за добродетель и только в этом старайтесь одержать победу».

Львы не оскверняют себя убийством львов, волки не отравляют волков, кони не вступают в заговор против коней, а слоны не захватывают крепостей, чтобы их разрушить. Звери, живя вместе с нами, становятся ручными, а люди, обращаясь друг с другом, становятся дикими. Братья из мести убивают братьев, отцы подсыпают яд своим детям, законные сыновья отрубают головы своим родителям, а жёны предают мужей [...] и [...] мужья, еще не остыв от любовных объятий, тайно убивают своих жён. Столь же распутные, сколь и нечестные, они заставляют подозревать в преступлениях невинных, подобно тому как бесчестный человек делает вид, что поступает по справедливости. Всего этого нет у неразумных животных. Слоны несребролюбивы, львы не копят сокровищ, быки не пекут пирогов или медовых пряников и не наряжаются в милетские ткани вола. У них нет национальных нарядов. Они не нуждаются в помощи, чтобы нести свой груз. Они не делают, по примеру людей, слугами себе подобных.

Одни из них живут в берлогах, другие — в пещерах, третьи — в чашах, четвёртые — на равнинах, пятые — в воде, некоторые — в воздухе. Имея свое определённое место, никто не живёт в чужой среде[263]. Когда появляется необходимость, они обрастают густой шерстью и не страдают ни от холодов, ни от мороза. У них вырастает и панцирь для защиты.

Пастбища в горах и долинах, обильные источники и озёра дают им пищу. Именно поэтому они живут, не злоумышляя друг против друга, не убивая, если только их не принуждает к этому человек.

Человек же, по природе существо мирное, ведёт себя как свирепый зверь. Люди поднимают мечи на своих отцов, мечи на матерей, мечи на детей, братьев, друзей, сограждан, против одиночества и против толпы, против невинных животных и иноплеменников. Насытитесь наконец несправедливостью, чтобы я мог обуздать свой смех или перенёс его на поэтов. Я

их ненавижу, всех этих гомеров, гесиодов и архилохов. Гомер призывает Музу воспеть ему гнев Ахилла, будто богам интересно прославлять человеческие страсти. Он не постыдился просить деву за наложницу.

Моё целомудрие постыдилось бы этого, превосходя целомудрие Гомера. Он любил женщин и в соответствии с тем, что сам испытал, изукрасил своих героев поэтическим вымыслом, который, напротив, не украсил их, а обезобразил. Из-за женщины убил он Аякса, из-за той же самой Кассандры он заставил убить Агамемнона в его собственном доме, а на Итаке — юношей из-за Пенелопы, в Илионе — из-за Елены. Женщины — всегда причина его надругательства над Элладой, а им, несмотря на промахи, ещё восхищаются. Его «Илиада» и «Одиссея» — две великие поэмы — посвящены страстям двух женщин, одной, которая была увезена силой, другой, которая хотела бы этого. Та, которая была похищена, нашла, кажется, своего героя, а другая, если бы её герой не должен был вот-вот возвратиться, в течение всех десяти лет была готова выйти замуж.

Тот, кто не очень хочет, быстро отказывается от задуманного. Отсрочка — всегда плод нерешительности, результат путаницы в голове. Десять лет Одиссей сражался в Илионе и столько же примерно времени он наслаждается близостью с женщинами в «Одиссее». У Каллипсо проводит семь лет, у Кирки — один год. Наконец, когда он пресытился, его потянуло к Пенелопе. Арета была, конечно, мудрее его, так как он и у неё оставался. Я не считаю, что у Одиссея есть какая-нибудь другая мудрость, кроме той, что он любит поесть и поволочиться за женщинами. Во время своих странствий он не столько действует, сколько претерпевает. Во всех этих пакостях виновен, конечно, больше всего Гомер. Ведь это он сам и обманщик Одиссей, и пожиратель народов Агамемнон...

Кинические диатрибы

ИЗ БЕРЛИНСКОГО ПАПИРУСА № 1304[264]

Кол. II «...Кому я прикажу судить, тот из вас и будет судьёй. И если его решение окажется справедливым, он будет отпущен живым». Тогда один из гимнософистов спросил, смогут ли они добавить [к ответам] свои объяснения. Александр дал утвердительный ответ и спросил первого, как он думает, кого больше числом — живых или мёртвых. Тогда [спрошенный] ответил, что живых. «Разве не верно, что число существующих больше числа тех, кого уже нет совсем?» — добавил он. После него Александр спросил следующего, что [больше — земля или море.][265]. «Земля. Ведь и само море находится на земле». Третьего он спросил, какое животное, по его мнению, самое хитрое. Тот ответил: «То, которому никто не может дать определения, — человек».

Кол. III Четвёртого он спросил, почему тот посоветовал их вождю Савило [Самбу] воевать с ним. Тот ответил: «Чтобы он смог достойно жить или достойно умереть». Пятому он приказал ответить на вопрос, что раньше родилось — день или ночь. Тот ответил: [«Ночь»][266], ибо она родилась одной ночью раньше, чем день». Когда же Александр выразил своё недоумение по поводу ответа, индус подумал и сказал, что мудрёные вопросы порождают и мудрёные ответы. Шестого он спросил, какой человек заслуживает любви у людей. Мудрец ответил: «Тот, кто, обладая могуществом, никому не внушает страх». Седьмого он спросил, что должен делать человек, чтобы стать богом. Тот ответил: «Такого человек сделать не может, даже если будет пытаться».

Кол. IV Восьмого он спросил, что сильнее — смерть или жизнь. Тот ответил, что жизнь, ибо она из несуществующих делает существующих, а смерть — из существующих несуществующих. Последнему он повелел ответить, как долго, по его мнению, человек должен жить. Тот ответил, что до тех пор, пока [человек решит, что лучше умереть, чем жить][267]. Когда остался последний [из тех, кто должен был оценить ответы][268], он спросил его, кто, как ему кажется, дал наихудший ответ, и предостерег: «Только смотри, не угождай никому».

Кол. V А тот, не желая, чтобы кто-нибудь погиб из-за него, ответил, что один отвечал хуже другого... «Тогда вы все умрете, — сказал Александр, — а ты первым, раз так рассудил». Тогда тот сказал: «Но царю не пристало обманывать. Ведь ты сказал: „Кому я прикажу [...]»[269] [Так как, по моему мнению, — сказал гимнософист, — ни один мудрец не ответил хуже всех, то никто не может быть казнён первым. Иными словами, никто из нас не должен умереть: я не могу умереть, ибо правильно рассудил, а остальных нельзя казнить вообще, раз никого из них нельзя казнить первым][270].

Кол. VI [...]»[271] Это ты, а не мы, должен беспокоиться, чтобы нас не казнили несправедливо». Александр выслушал его и решил, что все они мудрые люди, и приказал

дать им одежду и всех отпустить.

ИЗ ЖЕНЕВСКОГО ПАПИРУСА № 271[272]

Часть первая

Кол. I ...У нас с тобой, как и у всех, одна земля, нас окружают всё те же люди. Даже если тебе будут принадлежать все реки, пьёшь ты не больше, чем я. Но я не сражаюсь, не получаю ранений, не разрушаю городов. Одна у меня с тобой земля и вода, но у меня всего в достатке, и я ничего не хочу. Усвой у меня хоть это правило мудрости: ничего не желай, и всё твоё. Мать бедности — жадность исцеляется горьким лекарством страдания. Ты будешь богат, как я, если приобщишься к моим благам. Бог мне друг, у меня с ним всё общее[273]. К дурным людям я не прислушиваюсь. Небо — мне крыша, вся земля — ложе, все реки к моим услугам, леса — мой стол. Я не ем мяса, как львы. Не становлюсь могилой для падали, в моём чреве не разлагается живая плоть. Земля мне приносит свои плоды, как мать — молоко. Я не пил крови матери, не пожирал живых существ, а ел только то, что дает природа. Ты хочешь знать, какая мудрость мне ведома. Как видишь, я живу так, как родился, как был произведен на свет[274]. Я знаю, что делает бог. Вы же только дивитесь, когда начинаются ливни, моровая язва, гремит гром и полыхают молнии, разражаются войны, голод. Я же предвижу и знаю, как, откуда и почему все это происходит. И больше всего я радуюсь тому, что бог сделал меня соратником своих деяний [...] [275]. Мы знаем, что, испугавшись, царь приходит ко мне как к другу. Помолившись богу, я прошу его о благах для дома. Не золото, царь [...] [276], а эта моя речь принесёт тебе пользу. Если же ты прикажешь меня убить, я не опечалюсь. Я отправлюсь к своему богу. Он справедлив, ничто не скроется от его взора. Ты победил всех и вся, но у тебя нет места, куда бы ты мог убежать. Ведь бог сомкнул небо [над нами]. Ныне он запер нас в плоть, словно окружив стеной.

Кол. II Узнавая, как мы живём, спустившись от него, он потребует отчёта, когда мы поднимемся к нему. Не уничтожай того, что сотворил бог, не проливай крови городов, не шагай по трупам народов. Думай о том, как самому жить, а не как убивать других. Зачем, обладая лишь одной душой, ты губишь такое множество душ? Зачем наполняешь мир горем? Зачем, когда другие плачут, ты смеёшься? То, что ты вытерпел, то пережил с самим собой. Теперь ты не боишься и не причиняешь зла. Если и здесь ты ищешь мужество, ты найдёшь его. Сбрось с себя эту баранью шерсть, не прячься под мёртвый покров. Душа подвергается испытаниям и в уединении. Почему ты глядишь с таким отвращением на самого себя? На чужую шерсть ты смотришь с большим удовольствием, чем на собственное тело. Я знаю, тебе не избрать нашей жизни, ты не настолько счастлив. Македонцы с тобой, чтобы грабить города. Сегодня он горюют [узнав], что спасён народ. Они воины собственной ненасытности, а ты для них только предлог. Когда от богов ты получишь другую жизнь, чтобы пожить наконец на собственный счёт? Теперь-то ты живёшь за счёт грабежей и убийств. Одно у тебя есть, будешь добиваться другого [...] [277]. Каким я увижу тебя на небе? Я напомню тебе о своих словах, когда тебя больше не будут сопровождать ни кони, ни дары. Ты будешь оплакивать свою жизнь, загубленную на убийства и страх. Ты обратишься ко мне, когда уже у тебя ничего не будет, кроме воспоминаний о содеянном зле. «Ты был добрым советчиком, Дандамис. Теперь я знаю, что ожидает людей у богов». Не сумев

извлечь для себя никакой пользы и не почувствовав угрызений совести, Александр всё это благосклонно выслушал и не рассердился. Была и в нем частица божественной пневмы, но по вине дурного эллинского племени он и её обратил во зло. Он сказал: «Блаженный Дандамис, я знаю, что всё сказанное тобой — истина. Но бог произвёл тебя на свет там, где можно быть счастливым, никого не бояться и быть богатым.

Кол. III Я же живу в постоянном страхе и треволнениях. Я больше боюсь тех, кто меня охраняет, чем тех, кто со мной воюет. Мои друзья, ежедневно злоумышляющие против меня, хуже врагов. Я без них не могу жить, но и с ними не чувствую себя в безопасности. Они охраняют меня [...] [278]. Ты доставил мне удовольствие своими словами и смягчил меня, [огрубевшего] от войн. Но ты не унизил меня. Более того, почитая мудрость, я получил от тебя добрую услугу». С этими словами он дал знак слугам. Они принесли к нему золото и в слитках, и в монетах и [...] [279] пироги [...] [280]. «Я не принимаю ничего бесполезного или вредящего душе и теперь не собираюсь опутывать оковами свою свободную от забот душу. Я ничего не покупаю на рынке и живу в одиночестве. Всё бог даёт мне даром, ибо ничего не продаёт за деньги, желая добра, и когда думают, что он берёт, даёт. Я одет в тот самый плащ, который получил, когда меня мать рожала. Вскормленный под открытым небом, я с удовольствием смотрю на себя. Моё тело свободно от оков [одежды]. Жажда делает для меня речную воду слаще мёда. Всевозрастающая со временем, она становится служанкой наслаждения. Если хлеб был кормильцем, зачем ты поджигал его? Обьедки огня я не ем...

Кол. IV ...пусть огонь, вкусив это, истребит до конца. Чтобы уважить человека, почитающего философию, я принимаю елей». [...] [281] возжегши огонь, он стал лить [на него] елей и петь благодарственный гимн богу, пока всё не истратил. Увидев это, Александр в изумлении удалился, веля унести с собой принесенные дары. Дандамис сказал: «Все мы таковы. А Калан появился у нас и совсем недолго подражал нашему образу жизни, но не стал другом бога и сбежал к эллинам и по обычаю индусов предал себя бессмертному огню [...] [282]. Мы радуемся одиночеству, скрываясь в гуще деревьев. Наши мысли мы обращаем к богу, чтобы душа наша, общаясь с людьми, не отвращала взгляда от бога. ...Блажен тот, кто ни в чём не нуждается. И тот, кто намерен удовлетворять [свои желания], — негодный раб. У единомышленников одинаковые взгляды. Мы не нуждаемся в государстве, которое представляет собой сборище злокозненных людей. Вместо домов бог создал для нас горы и леса...»

Кол. V Фрагмент А. «...если вы хотите носить плащи, то нужно пользоваться разными — для пастуха, для ткача, для валяльщика». — «Об этом можешь мне не говорить. Я не ношу мягких плащей. Для индуса это то же самое, что рабство. Кто испытывает желание иметь хоть немного денег, захочет наgrabить побольше».

Фрагмент В. «...Вы нищие и готовы восторгаться ничтожным. Вы убиваете живые существа, детей земли, рабов...»

Кол. VI «...мы не пьём без желания напиться. Когда же появляется жажда, утоляем её только водой из природных источников [...] [283] Счастливее у вас безумцы. Они пьяны, даже не покупая вина. Вы колотите друг друга и судитесь... Мы слушали, что вы много едите, не решаясь бросить. То, что вы вместили в себя, извергаете, насилуя природу. Облегчившись,

пьёте снизу, испражняетесь сверху.

Кол. VII Безумцы, вместо того чтобы ходить на ногах, вы ходите на голове. Зачем насильно насыщаете себя, чтобы так же насильно очиститься, приобретая сверх того грубость и болезнь? Позвольте природе кормить вас, чем она хочет, и она излечит вас. Своей цели вы достигаете, но без удовольствия, ибо конец не знающего меры насыщения мучителен. Вы заболеваете, болезни — ваше наказание. Если вы уж хвалитесь, что много имеете, то сделайте приятное и другим. Мы же слышали, что даже нищим, просящим хлеба, вы не подаете. Всё своё состояние вы тратите на еду, поэтому множество врачей обирают вас своими ухищрениями или опустошают голодом. Тогда одни, выпив много вина [...] [284] только воды у нас столько, сколько хотим.

Кол. VIII ...она, испытав [это], полна наглости. Этого брахманы не знают. Мы не ведем никаких войн [...] [285] ...брось всё, наслаждайся одиночеством и ходи нагим, довольствуясь дарами бога [...] [286]»